

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

ЗАСТЕНЧИВЫЙ УБИЙЦА

АБСОЛЮТНЫЙ ШВЕДСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР #1

Лейф Перссон более самобытен,
чем Стиг Ларссон.
И этот удивительный роман —
очередное доказательство
его дара создавать произведения
классические и при этом острые
и оригинальные. Потрясающее
сочетание традиций и инноваций.

La Repubblica

ЛЕЙФ Г.В. ПЕРССОН

6 МИЛЛИОНОВ ЭКЗЕМПЛЯРОВ ПРОДАНО В СКАНДИНАВИИ

Иностранный детектив

Лейф Перссон

Застенчивый убийца

«Центрполиграф»

2010

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)

Перссон Л. Г.

Застенчивый убийца / Л. Г. Перссон — «Центрполиграф»,
2010 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-08423-1

Ларс Мартин Юханссон – легенда шведской полиции, детектив от Бога, три года назад ушедший на пенсию, – попал в больницу с сердечным приступом. День за днем возвращаясь к жизни, он, неожиданно для самого себя, начинает негласное расследование одного из самых гнусных преступлений – изнасилования и убийства девятилетней девочки. Юханссон узнает все подробности бездарного ведения следствия и отлично понимает, почему убийца не был найден. Бывшего шефа полиции не останавливает то, что преступление было совершено двадцать пять лет назад, он знает, что раскроет его и убийца будет наказан.

УДК 821.113.6-31

ББК 84(4Шве)

ISBN 978-5-227-08423-1

© Перссон Л. Г., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Часть первая	6
1	7
2	10
3	11
4	13
5	15
6	17
7	18
8	20
9	23
10	28
Часть вторая	31
11	32
12	34
13	36
14	41
15	42
16	45
17	46
18	47
19	49
20	52
21	54
22	55
23	57
24	59
25	62
26	65
27	68
28	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Лейф Г. В. Перссон

Застенчивый убийца

Leif GW Persson

DEN DÖENDE DETEKTIVEN

Published by agreement with Salomonsson Agency

Серия «Иностранный детектив»

Copyright © Leif GW Persson, 2010

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

Часть первая

Око за око...
Вторая книга Моисея, 21: 24

1

Вечер понедельника 5 июля 2010 года

В Стокгольме по адресу Карлбергсвеген, 66 находится колбасный киоск Гюнтера, лучший в Швеции. В окружении со всем старанием воздвигнутых в начале прошлого столетия многоэтажных зданий. Аккуратно сложенных кирпичик к кирпичику, с оштукатуренными фасадами, эркерами и старинными многостворчатыми окнами. С широкими газонами перед ними и отделяющими их от улицы тенистыми деревьями. Когда заходишь в такой дом, тебя, как правило, встречает мрамор в вестибюле и на лестничных площадках, лепнина на потолке. Здесь все чинно и благородно, и даже двери сделаны из дуба. И когда видишь это, понимаешь, что у местных обитателей нет особых причин жаловаться на жизнь, во всяком случае, на ее финансовую составляющую.

Да, заведение Гюнтера очень удачно расположено. В пределах центральной части самой красивой столицы мира. Всего в сотне метров к югу от Карлбергского дворца и здания Каролинской университетской больницы, а также совсем близко к двум большим магистралям, соединяющим центр с северными районами.

В такое время бывший шеф ГКП¹ Ларс Мартин Юханссон должен был находиться в своем летнем домике в Рослагене, но утром ему пришлось поехать в город, и все из-за встречи в банке. Вместе со старшим братом они провернули аферу с лесом. И сейчас там требовалось поставить точку.

А разобравшись с этим, он решил попутно закрыть все накопившиеся личные дела, чтобы не приезжать снова. И поскольку дел таких нашлось великое множество, когда пришло время возвращаться к жене, в атмосферу летнего отдыха и покоя на полуостров Родмансё, часы показывали почти восемь, и Юханссон чувствовал себя голодным как волк.

До Рослагенской заставы, после которой ему требовалось повернуть на север, оставалось несколько сотен метров, когда желудок уже в категоричной форме заявил о себе, и, поняв, что дальше так продолжаться не может, Юханссон решил слегка отклониться от маршрута и заглянуть туда, где готовят лучшую в Швеции колбасу. Взять, например, щедро напичканную специями братвурст с оландским соленым огурцом, кислой капустой и горчицей из Дижона. Или, пожалуй, цыганскую сосиску, благоухающую ароматом свежесмолотого перца, паприки и лука? Или вспомнить о своем норландском происхождении и съесть слегка подкопченную лосиную колбасу с эксклюзивным картофельным пюре Гюнтера?

Погруженный в эти «вкусные» размышления, он припарковался всего в нескольких метрах от киоска сразу за автобусом одного из пикетов полиции Стокгольма и, точно как они, наполовину заехал на тротуар. Конечно, он уже три года находился на пенсии, и подобное было не совсем законно, но практично и хорошо, по крайней мере, для проезжавших мимо машин. К тому же Юханссон пока так и не смог избавиться от некоторых привычек, приобретенных почти за пятьдесят лет службы в полиции, ведь за столь долгий срок они фактически стали частью его самого.

День выдался солнечный и теплый, на загляденье для начала июля, и вечер оказался ему под стать. Такую погоду вряд ли можно назвать идеальной для колбасы, и, вероятно, по этой причине очередь перед окошком состояла всего из четырех его молодых коллег, сотрудников Стокгольмского отдела пикетов. Бывших коллег, точнее говоря, но они узнали его. Закивали,

¹ Государственная криминальная полиция. (Здесь и далее примеч. ред.)

заулыбались, а их командир даже поднес руку к своей коротко подстриженной голове, хотя он и успел засунуть форменную фуражку за пояс.

– Как ситуация, парни? – спросил Юханссон. Он уже принял решение, как только вся гамма ароматов достигла его носа. Лосиная колбаса могла подождать до осени. При всем уважении к запаху дыма, сбалансированному вкусу и норландским корням, в такой вечер требовалось что-то позадиристее, хотя и не через край, не с Южных Балкан. Паприка, лук, мало-сольный, грубо перемолотый свиной фарш подходили очень хорошо, а при мысли о погоде и его душевном состоянии лучшего трудно было пожелать.

– Все спокойно, вот мы решили воспользоваться случаем и подзаправиться немного, пока не разразился шторм, – сказал командир пикета. – Шеф может пройти вперед, если пожелает. Мы никуда не спешим.

– Я – пенсионер, – ответил Юханссон. – А вам надо работать. На пустой желудок много не навоюешь, верно?

– Мы пока выбираем, – сказал старший из коллег, кивнул и улыбнулся ему. – Поэтому ничего страшного.

– Тогда так, – сказал Юханссон, обращаясь к человеку в окошке. – Одну цыганскую сосиску с кислой капустой и французской горчицей. И еще дай мне бутылку воды с газом. Как обычно, ты знаешь.

Он кивнул повелительно последнему в ряду помощников Гюнтера, молодому дарованию по имени Руди, тоже австрийцу по происхождению, как и все другие, стоявшие до него на том же месте. Эту традицию ввел еще первый хозяин заведения. И хотя он умер уже почти десять лет назад, персонал сюда по-прежнему набирали с его старой родины. Оттуда были лучший друг Гюнтера Себастьян, воспринявший дело, когда прежний владелец был жив, Удо, проработавший там много лет, Катя, которая появлялась лишь время от времени. И еще парень, чье имя он уже забыл. А сейчас, значит, самый последний, Руди. Юханссон знал их всех, и они тоже начинали узнавать его после нескольких сотен колбасок, и, пока Руди готовил его заказ, Юханссон заполнил образовавшуюся паузу приятной болтовней с молодыми коллегами. Или, точнее говоря, бывшими коллегами.

– В этом году исполняется сорок шесть лет, как я пришел в службу правопорядка Стокгольма, – сказал Юханссон.

«Или сорок семь, – подумал он. – Да какая разница?»

– В те времена вы носили саблю? – с широкой улыбкой спросил самый молодой в компании.

– Не нарывайся, сынок, – доброжелательно осадил его Юханссон.

Этот парень был ему симпатичен.

– А потом, значит, был сыск, – констатировал шеф молодого дарования, хорошо знавший биографию Юханссона.

– Вот как, ты, оказывается, в курсе. Пятнадцать лет, – подтвердил он.

– Вместе с Ярнебрингом, – вмешался в их диалог другой молодой полицейский.

– Само собой. Не забыли, значит, еще стариков.

– Работал там. Ярнис был моим шефом. Лучший из всех, кто когда-либо командовал мной, – добавил новый участник разговора.

– Мне засунуть все в батон или шефу нужен поднос? – перебил их Руди, держа в руке только что поджаренную колбасу.

– Как обычно, – сказал Юханссон. – Возьми булку, удали мякиш, положи внутрь колбасу, кислую капусту и горчицу, – добавил он, а потом снова повернулся к коллеге, некогда работавшему под началом его лучшего друга: – На чем мы остановились?

– Ярнебринг, Бу Ярнебринг.

– Точно, – сказал Юханссон, явно переборщив с ударением, как бывает, когда человек потерял нить разговора и усиленно пытается вспомнить, о чем же шла речь. – Ярнебринг, да. Он пенсионер, как и я, ушел в шестьдесят пять, год назад. Живем не тужим. Мы регулярно встречаемся и рассказываем друг другу старые байки о наших подвигах.

– Шеф, передавайте ему привет от Патрика Окессона, от Петво. Нас было двое с таким именем в группе, и я пришел туда последним, поэтому Ярнис перекрестил меня, чтобы избежать напрасных ошибок в рискованных ситуациях.

– Похоже на Ярнебринга, – усмехнулся Юханссон. Он кивнул, забрал сдачу, а также свою минеральную воду и колбасу. А потом кивнул снова, поскольку не знал, о чем еще говорить. – Берегите себя, парни, – наконец добавил он. – Насколько я понимаю, сейчас все совсем не так, как в мое время.

Все кивнули в ответ неожиданно серьезно, а их шеф снова продемонстрировал ветерану свое уважение, подняв руку к коротко стриженной голове.

«В мое время тебя уж точно выперли бы, отдай ты честь без фуражки», – подумал Юханссон, когда не без труда забрался на водительское сиденье, поместил бутылку в специальную выемку справа от него и переложил колбасу из левой в правую руку.

В это мгновение, казалось, кто-то ударил его сзади по голове. Но это был не обычный предвестник ноющей головной боли, сейчас она внезапно пронзила весь затылок. Уличный шум стал нечетким, трудно различимым и вскоре совсем исчез, тьма застлала ему глаза, сначала правый, потом левый, словно кто-то задернул приоткрытые на три четверти занавески. Его рука онемела, пальцы разжались, и он уронил колбасу между сиденьями.

А потом его окружили темнота и безмолвие.

2

Вечер понедельника 5 июля – вторая половина среды 7 июля 2010 года

Ларс Мартин Юханссон все еще оставался без сознания. Сразу после полуночи, когда состояние бывшего шефа ГКП стабилизировалось, его перевели из реанимации в нейрохирургическое отделение на случай, если возникнут какие-то осложнения и придется делать операцию.

В греческой мифологии сном заведует бог Гипнос, брат-близнец Танатоса, демона смерти, сын Нюкты, богини ночи, но никто из них, даже Нюкта, не имел сейчас отношения к Юханссону, поскольку он пребывал в бесчувственном состоянии. Конечно, он реагировал на свет чисто физиологически, когда кто-то в белом халате подходил к его кровати, чтобы поднять ему веко и посветить в глаз, но поскольку он без сознания, какое это имеет значение.

Гипнос не его бог, ведь Юханссон не спит, и никакие сны, конечно, не мучают его или, пожалуй, не способны облегчить его страдания. Сновидения требуют присутствия людей и событий, а при отсутствии подобного нельзя обойтись неразумными животными или неодушевленными предметами вроде рыболовной снасти под названием «паук», пусть даже неправильного цвета, или, пожалуй, санок, на которых ты катался ребенком. Опять же, все сны прежде всего требуют работы мозга, они не могут возникать сами по себе, а мозг у Юханссона сейчас молчит.

Танатос также не властен над ним, поскольку Юханссон жив, он дышит и его сердце бьется. Пусть ему и необходимы вспомогательные средства для стабилизации сердечного ритма, снижения кровяного давления и разжижения крови. Они снимают боль, усыпляют и успокаивают его – все эти иглы, провода, трубки и шланги, прикрепленные к его телу. Но в любом случае он жив и сейчас пребывает у Нюкты, в ночи и тьме. Впрочем, какая разница, ведь он понятия не имеет об этом. И даже хорошо, поскольку Нюкта не самая приятная женщина даже в мифологическом смысле. Помимо всего прочего, она также покровительствует мести, но у какого нормального человека есть зуб на Ларса Мартина Юханссона?

Возможно, все-таки Гипнос ближе всех к нему. На античных вазах и прочих предметах той эпохи его обычно изображали молодым человеком с цветами мака в руке, и в любом случае это показывает, что даже очень древние греки знали то, до чего медицина и международная наркопреступность дошли только две тысячи лет спустя. И даже если бы Юханссон понимал, что сейчас прокапывают в его вены, он наверняка просто кивнул бы в знак согласия. Какая разница. Юханссон – без сознания. Он не мертв, не спит и уж точно не видит снов, и ни о каких кивках с его стороны не может быть и речи, и свет и тьма тоже сейчас не играют для него никакой роли.

3

Вторая половина среды 7 июля 2010 года

Все началось с ноющей боли в затылке и ощущения света, и он внезапно пришел в себя. Обнаружил, что лежит в кровати и, вероятно, спал на правой руке, поскольку она онемела. Пальцы плохо слушались, и ему стоило труда сжать кулак. Сбоку от него сидела женщина в белом халате со светлыми, коротко подстриженными волосами. Из большого кармана у нее на груди выглядывал стетоскоп в качестве дополнительной подсказки о роде ее занятий в этой жизни.

«Что, черт возьми, происходит?» – подумал Юханссон. – Что происходит? – спросил он женщину в белом халате.

– Меня зовут Ульрика Стенхольм, – ответила она и посмотрела на него, немного наклонив голову. – Я – заместитель главного врача Каролинской больницы, и ты попал в мое отделение. Для начала я хотела бы спросить, помнишь ли ты, как тебя зовут.

Она улыбнулась и кивнула дружелюбно, как бы стараясь смягчить свой вопрос.

– Как меня зовут? – переспросил Юханссон.

«Так что же, черт возьми, происходит?»

– Как тебя зовут. Ты помнишь?

– Юханссон, – ответил Юханссон. – Меня зовут Юханссон.

– А дальше?

Новый кивок, снова дружелюбная улыбка, наклон головы, однако она не сдается.

– Юханссон. Ларс Мартин Юханссон, – ответил Юханссон. – Если тебя интересует мой личный код, у меня в бумажнике лежат водительские права. Я имею привычку носить его в левом кармане брюк. А что, собственно, случилось?

Значительно более широкая улыбка появилась на лице женщины у его кровати.

– Ты лежишь в отделении неврологии Каролинской больницы, – ответила она. – В понедельник вечером у тебя образовался тромб в сосуде мозга, и поэтому ты попал сюда.

Голова блондинки с короткой стрижкой на длинной худой и абсолютно гладкой шее в очередной раз меняет положение.

– Какой день сегодня? – спрашивает Юханссон.

«Ей наверняка не больше сорока», – приходит ему на ум.

– Сегодня среда. Время пять пополудни, и ты оказался у меня в отделении менее двух суток назад.

– Где Пия? – спрашивает Юханссон. – Это моя жена.

Внезапно он вспомнил, что сидел в своем автомобиле, и почувствовал сильное беспокойство, причину которого не мог объяснить.

– Пия в пути. С ней все хорошо. Я разговаривала с ней четверть часа назад и рассказала, что ты вот-вот очнешься, поэтому она едет сюда.

Сейчас доктор Стенхольм довольствовалась двумя кивками. Как бы в подтверждение своих слов.

– Значит, с ней все хорошо? Мне помнится, я сидел за рулем, – добавил он. Неизвестно откуда появившееся сильное беспокойство сейчас пошло на убыль.

– Ты был в машине один. Твоя жена находилась в деревне, и мы позвонили ей, как только ты поступил по скорой. Потом она находилась возле тебя по большому счету постоянно. И, как я уже говорила, с ней все хорошо.

– Расскажи, – попросил Юханссон, – что со мной случилось.

– Если, по-твоему, ты в состоянии слушать, то...

Новый кивок с серьезной и вопрошающей миной.

– Рассказывай. Я нормально себя чувствую. Лучше, чем когда-либо. Как жемчужина в золоте, – добавил он на всякий случай.

«Что, черт возьми, происходит?» – подумал Юханссон, поскольку неожиданно испытал странное возбуждение.

– Я, должно быть, спал на руке, – добавил он, хотя уже догадался, почему не в состоянии приподнять ее над одеялом.

– Мы вернемся к этому, – заверила она. – Позднее. Тебе не стоит волноваться. Совместными усилиями, твоими и моими, мы наверняка приведем твою руку в порядок.

4

Вечер понедельника 5 июля – вторая половина среды 7 июля 2010 года

То, что у Юханссона проблемы, заметил водитель автобуса пикета. Выбравшись из кабины размять ноги, он увидел, что голова Юханссона неподвижно покоится на руле, а когда открыл дверь со стороны водительского сиденья с целью посмотреть, чем он может помочь, находящийся без сознания Юханссон вывалился наружу и чуть не ударился головой об асфальт. К счастью, коллега успел в последний момент перехватить его.

Потом события развивались очень быстро. По радиии сообщили, что скорая задержится по крайней мере на пять минут, но, поскольку на практике это обычно означало вдвое дольше, а командир пикета и мысли не допускал, что одна из легенд шведской полиции умрет прямо у него на руках, Юханссона просто подняли в автобус и положили на полу, а потом завели мотор, включили сирену и мигалку и на полной скорости помчались в сторону Каролинской больницы. И пусть такая транспортная услуга не совсем укладывалась в служебные инструкции, но речь шла о коллеге в беде, а значит, обо всех правилах и наставлениях можно забыть.

По прямой до отделения скорой помощи было не более километра. Маршрут выбрали самый короткий, и уже через две минуты машина затормозила перед входом. При мысли о той жизни, которой он жил, и всей степени угрожавшей ей опасности явление Юханссона получилось логичным и величественным. В окружении парней из пикета и больничного персонала его пронесли на носилках прямо в отделение интенсивной терапии, мимо всех обычных граждан, сидевших и лежавших в ожидании своей очереди с непонятными болями в груди, сломанными руками, вывихнутыми ногами, прострелами в ушах, аллергиями и обычными простудами.

Затем все двинулось по накатанным рельсам, и четыре часа спустя, после принятия всех неотложных мер и когда диагноз по большому счету стал ясен, его перевели в нейрохирургию.

– Я разговаривала с моим коллегой, дежурившим в понедельник вечером, – сказала докторша. – Он общался с твоими сослуживцами, доставившими тебя к нам. И здесь все на ушах стояло, да будет тебе известно.

Она кивнула и еле заметно улыбнулась.

– На ушах?

– Кто-то узнал тебя и вообразил, что тебе выстрелили в живот.

– Выстрелили? В живот?

– У тебя рубашка была перепачкана в кислой капусте и горчице. Кто-то посчитал, что это торчат твои кишки. Да к тому же все эти полицейские возле тебя, конечно.

Сейчас она выглядела еще более радостной.

– Боже праведный, – сказал Юханссон. – Придумают же люди.

– Ты явно отключился перед колбасным киоском на Карлбергсвеген. Прежде чем успел запихать в себя всю вредную для здоровья еду, которую купил там. Кислую капусту, горчицу, жареную булку, жирную толстую сосиску и еще не знаю что.

«О чем это она? – подумал Юханссон. – Наверное, речь идет о заведении Гюнтера». Он ведь остановился поесть лучшей в Швеции жареной колбасы. Разговаривал с несколькими молодыми коллегами. Сейчас он вспомнил это. Память вернулась к нему.

– Один мой товарищ умер, стоя в очереди у этого киоска. У него случился инфаркт. Он в основном питался такой едой, хотя сам был врачом.

Сейчас она наклонила голову набок с серьезной миной.

– Кислая капуста, – сказал Юханссон. – Что в ней плохого? Она же дьявольски полезна.

– Я скорее имею в виду сосиску.

– Послушай, – сказал Юханссон, который почувствовал, что внезапно разозлился по непонятной причине, одновременно с тем, как у него по-настоящему заболел затылок. – Если бы не сосиска, о которой ты говоришь, я был бы уже мертв.

Докторша довольствовалась кивком и еще больше наклонила голову набок. Но ничего не сказала.

– Не останавливайся и не возьми ее, сидел бы в машине на пути в деревню, когда все случилось, и тогда последствия могли оказаться просто ужасными. И в худшем случае не только для меня.

– Мы вернемся к этому позднее, – сказала она, наклонилась вперед и похлопала его по отказывающейся подчиняться руке.

– У тебя есть зеркало? – спросил Юханссон.

Ей, вероятно, задавали этот вопрос раньше. Она кивнула, сунула руку в карман своего белого халата, достала маленькое зеркальце и вложила его в протянутую левую ладонь Юханссона.

«Ты плохо выглядишь, Ларс Мартин», – подумал он. Все его лицо как бы сморщилось, рот сидел на нем немного кривовато, а под глазами красовалось множество маленьких синих пятен, по форме напоминающих точки размером не больше булавочной головки.

– Точечное кровоизлияние, – сказал Юханссон.

– Петехия, – согласилась докторша и кивнула. – У тебя на минуту остановилось дыхание, но потом один из твоих коллег вдохнул в тебя жизнь снова. Он работал водителем на скорой, прежде чем стал полицейским. Проходил подготовку по оказанию первой помощи.

Да, я согласна с тобой, – продолжила она. – Как ни говори, тебе повезло, что все так случилось.

– Ну и видок у меня, – вздохнул Юханссон.

«Но я жив». В отличие от всех других, у кого он видел похожие пятна под глазами.

– Я полагаю, твоя жена сейчас придет, – сказала врач. – Оставлю вас, поговорите спокойно. Снова загляну к тебе перед сном.

– Знаешь что?

Она покачала головой.

– Ты напоминаешь белку, – констатировал Юханссон.

«Зачем я это сказал?»

– Белку?

– Мы вернемся к этому позднее, – сказал Юханссон.

5

Вторая половина среды 7 июля 2010 года

Его жена Пия прошла прямо к кровати. Ее губы растянулись в улыбке, но глаза были грустными, и, садясь на стул сбоку от койки мужа, она случайно опрокинула его. Не пытаясь поднять, просто оттолкнула его ногой, наклонилась и обхватила Юханссона руками. Крепко обняла и прижала его голову к своей груди. Качала, словно маленького ребенка.

– Ларс, Ларс, – прошептала она. – Ну что ты удумал?

– Ничего страшного, – сказал Юханссон. – Просто какая-то штука образовалась в голове.

В это мгновение у него перехватило дыхание, и он разрыдался. А ведь он никогда не плакал. С самого детства. За исключением похорон его матери несколько лет назад и отца еще пару годами ранее, но тогда ведь у всех были мокрые глаза. Даже старший брат Юханссона закрыл лицо руками. Однако больше Юханссон не плакал никогда. Только сейчас, и, собственно, неясно почему.

«Ты ведь жив. Какого черта распускать нюни?»

Потом он сделал глубокий вдох. Погладил здоровой рукой жену по спине. Обнял ее и прижал к себе.

– Ты не могла бы дать мне носовой платок, – попросил Юханссон.

«Что, черт возьми, происходит?» – подумал он.

Затем он снова стал самим собой. Висморкался как следует, несколько раз, остановил руку жены, когда она попыталась вытереть ему глаза, провел тыльной стороной ладони по лицу. Попробовал улыбнуться перекошенным ртом. У него внезапно прекратила болеть голова.

– Пия, дорогая, любимая моя, – сказал Юханссон. – Все хорошо. Я чувствую себя как жемчужина в золоте, лучше некуда, опять буду прыгать, как молодой, когда вернусь домой.

Только тогда она улыбнулась ему снова. В этот раз и губами, и глазами, наклонилась вперед, сидя на стуле.

– Знаешь, – продолжил Юханссон, – если я немного подвинусь, то сможешь прилечь рядом со мной.

Пия покачала головой. Сжала его здоровую руку, погладила ту, которая не спала, а только казалась спящей.

Ему, как никогда ранее, хотелось побыть в одиночестве, и он взял с жены обещание, что она поедет в их городскую квартиру. Пообщается со всеми, кто сейчас беспокоился совершенно напрасно. Постарается хорошенько выспаться и вернется только ближе к вечеру на следующий день.

– Когда вся компания в белых халатах перестанет издеваться надо мной, – объяснил Юханссон. – Чтобы мы могли поговорить в тишине и покое.

– Хорошо, – сказала Пия, наклонилась, взяла его за затылок, хотя обычно именно он так делал, и поцеловала. Кивнула и ушла.

«Ты жив», – подумал Юханссон, и хотя у него снова заболела голова, он испытал радость, неожиданно, не понимая ее причины, несмотря на боль.

Потом он спал. Боль в голове утихла. Кто-то прикоснулся к его руке, женщина, явно не старше тридцати. Она кивнула в направлении подноса с едой, который поставила рядом с его кроватью. И улыбнулась ему темными глазами и ртом.

– Если хочешь, я помогу тебе, – предложила она.

– Никаких проблем, – сказал Юханссон. – Я справлюсь сам. Дай мне только ложку.

Полчаса спустя она вернулась. За это время Юханссон попробовал вареной рыбы (две ложки), белого соуса (пол-ложки), кисель из ревеня (три ложки) и выпил целый стакан воды.

Когда она снова появилась рядом с ним, он притворился спящим, и явно успешно, поскольку уже думал о заведении Гюнтера, самом лучшем колбасном киоске в Швеции, и чувствовал изумительные ароматы, обычно встречавшие его за несколько метров до окошка.

Позже другая молодая женщина в белом халате опустошила его судно, в то время как он пообещал себе в следующий раз добраться до туалета. Как всякий нормальный человек, и пусть даже ему придется прыгать туда на одной здоровой руке.

Затем Белка снова навестила его.

– Один прямой вопрос, – сказал Юханссон. – Сколько тебе лет?

Спросил главным образом затем, чтобы предотвратить любые попытки разговоров о его вкусовых пристрастиях и общем плачевном состоянии.

– Сорок четыре, – ответила она. – Почему ты спрашиваешь, кстати?

– Ульрика Стенхольм. Я обещаю и могу гарантировать: ни одна душа не узнает, что тебе больше сорока. Относительно Белки... Мы вернемся к этому в другой раз.

Затем он снова спал.

Сначала беспокойным сном, и у него опять заболела голова. Но потом Гипнос, вероятно, приложил руку к этому делу (у него осталось смутное воспоминание о том, как кто-то ходил у его кровати и трогал какую-то из трубок, ведущих от штатива с капельницами над его головой), поскольку боль прошла и он стал видеть сны.

Приятные до ужаса. Более чем все иное смягчающие его головную боль. Обо всех тех белках, которых он застрелил, когда еще мальчишкой жил у своей мамы Эльны и папы Эверта в усадьбе в Онгерманланде. Как все началось с того, что дядька мамы Густав сидел у них дома на диване в кухне и жаловался по поводу своего ревматизма. По словам Густава, ему мог помочь только жилет, сшитый из беличьих шкур мехом внутрь.

– Я могу устроить это для маминого дяди, если он хочет, – предложил Ларс Мартин Юханссон. Он восседал на табурете рядом с ящиком с дровами и был в три раза меньше всех других присутствующих.

– Очень мило с твоей стороны, Ларс Мартин, – сказал дядя матери. – Ты можешь взять мою мелкашку, и тебе не придется мучиться с пневматической винтовкой, которую ты получил от отца на Рождество.

– Угу, – согласился папа Эверт. – Парень очень хорошо стреляет, так что все устроится. Дай ему свою пукалку, и будет тебе жилет.

Так все и началось с белками, как в действительности, так и во сне, – с предложения дяди матери, одобренного папой Эвертом, и прошло целых шестьдесят лет, прежде чем он встретился с доктором Ульрикой Стенхольм, пробудившей его детское воспоминание. А ей самой было сорок четыре года от роду, хотя она не выглядела даже на сорок.

6

Ночь между средой 7 июля и четвергом 8 июля 2010 года

Юханссон видит сны о застреленных им белках. О жилетке из них, которую он всего через год обеспечил дяде своей матери Густаву. Конечно, он сжульничал немного с летними и зимними шкурками, но его мама Эльна, исполнявшая роль скорняка, сказала, что в этом нет ничего страшного. Надо только расположить зимние со стороны больной спины, и все будет нормально, во всяком случае, если ей верить.

За первый год он настрелял целых пятьдесят штук, поскольку, как и все другие в родне, мамин дядюшка был широк в плечах. На сам выстрел уходило менее минуты. Но гораздо больше времени он наблюдал за зверьками.

Шустрыми, с маленькими черными блестящими глазками, головкой, которая вертелась во все стороны, пока они бегали вверх и вниз по стволам. Видел, они могли внезапно замереть на полушаге, независимо вниз или вверх головой, и наклоняли ее под разными углами, и крутили шеей, и смотрели на все и всех и даже на него. Любопытными, настороженными глазками, маленькими и черными, как перчинки. Хотя он уже держал зверьков на прицеле и собирался спустить курок, они все равно обычно сидели неподвижно, склонив голову набок. Потом он нажимал на спуск. Раздавался тихий хлопок мелкашки, и еще одна белка прощалась с жизнью.

В нескольких случаях его добыча застревала на ветке по пути вниз. И, поскольку он тогда был еще небольшого роста, ему приходилось стаскивать зверька при помощи длинной крючковой осиновой или березовой ветки. А когда подрос и его руки стали столь же крепкими, как у старшего брата Эверта, он обычно взбирался вверх по стволу за ними. Никаких проблем. А если зимой сосны становились скользкими из-за покрывавшего их местами льда и снега, проделывал то же самое уже с помощью куска веревки, обвязывая его вокруг ствола и своей талии, и финского ножа в правой руке, чтобы обеспечить лучший захват.

Но в один прекрасный день он просто прекратил стрелять в зверьков. В их маленькие, постояннодвигающиеся головки, черные глазки, которые могли смотреть на него даже в то самое мгновение, когда он вдавливал спуск. Казалось, не понимая, что они видят свою смерть. С таким же любопытством, как смотрели на все другое. Всего несколько часов в сумме ушло на то, чтобы умертвить десятки их. И десятки часов в промежутке он просто сидел и наблюдал за ними.

Много лет спустя совсем в другой жизни он встретился с Ульрикой Стенхольм. Неврологом Каролинской больницы, с коротко подстриженными светлыми волосами, абсолютно гладкой шеей и без намека на коричневую шерсть или пышный хвост. Ни в коей мере не похожую на белку, за исключением ее манеры наклонять голову, когда она смотрела на него.

Наконец он проснулся. Попытался приподнять правую руку над одеялом, но безуспешно. Она все еще спала, хотя у него самого ото сна не осталось и следа. Его мучила жажда, но, потянувшись за стаканом с водой, он опрокинул его, а когда собрался вызвать ночную медсестру, уронил пульт, предназначенный для этой цели.

– Что, черт возьми, происходит! – заорал он. Именно так, слово в слово.

И тогда сестра вошла, дала ему стакан воды, похлопала по правой руке, пусть та еще не проснулась, открыла одну из капельниц, а потом он снова спал. Без сновидений на сей раз.

7

Четверг 8 июля – вторник 13 июля 2010 года

В четверг он сходил в туалет. Конечно, с помощью мужчины-санитара и палки с резиновым наконечником. Но предложение о каталке, так же как и относительно ролятора, отверг кивком и помочился исключительно самостоятельно. Несмотря на штатив с капельницами, беспомощно висящую правую руку, плохо действующую правую ногу и головную боль. И почувствовал себя счастливым. Настолько счастливым, что в какой-то момент даже всхлипнул. Но на этот раз без слез.

– Кончай распускать нюни, – пробормотал он вслух самому себе. – Ты же, черт побери, идешь на поправку.

Иначе и быть не могло, поскольку им занимались вплотную, с использованием самых современных достижений медицины. В течение следующих дней кровать с Юханссоном возили по всевозможным отделениям, снимали его с нее и возвращали назад, опутывали новыми проводами, подводили к нему новые трубки и шланги, снова и снова брали у него кровь, опять и опять просвечивали его рентгеном, когда он, лежа на специальном столе, перемещался на нем вперед и назад в большой трубе. Его исследовали вдоль и поперек. Кроме того, светили ему в глаза, нажимали на тело в разных местах, сгибали его руки и ноги под различными углами, стучали по коленям маленьким металлическим молотком, чтобы сразу после этого провести его рукояткой ему по подошвам или колоть его тонкими иглами. Везде и по большому счету постоянно.

Он познакомился со специалистом по лечебной медицине, и она показала ему самые простые начальные упражнения. И уверяла, что скоро они «совместными усилиями», буквально так сделав ударение на этих словах, «позаботятся о том, чтобы к его правой руке вернулись чувствительность, подвижность и сила, а правая нога действовала так же хорошо, как и раньше». А если говорить о лице, то оно уже возвращается к своему исходному облику. Более или менее самостоятельно, каким-то чудесным образом. Вдобавок она принесла с собой несколько брошюр, которые он мог почитать, а также маленький красный резиновый мяч в качестве тренировочного средства. Ему надо сжимать мяч правой рукой. И если у него сейчас нет никаких вопросов, ничего страшного, ведь им предстоит снова встретиться на следующий день.

Ульрика Стенхольм уехала в отпуск. Всего на несколько дней, так что ему не стоит беспокоиться по этому поводу. Пока же им занимались ее коллеги. Молодой интерн, пакистанец по происхождению, и крашеная блондинка средних лет с большим бюстом. Она перебралась в Швецию из Польши двадцать лет назад и по большому счету всю жизнь работает кардиохирургом. Однако никто из них никоим образом не напоминает белку.

Супруга Пия навещает его каждый день. Будь на то ее воля, она переехала бы к нему в палату, но Юханссон отговорил это делать. Одного визита в день вполне достаточно, а если случится что-то, требующее поменять такой график, она сразу узнает об этом. Он старательно уходит от любых вопросов относительно состояния его здоровья. Ему лучше с каждым днем. Скоро он станет точно таким, каким был всегда, и вообще нет причин для беспокойства.

Как она сама чувствует себя, кстати? Пусть пообещает ему беречь себя. Не могла бы она принести его мобильный телефон, ноутбук и книгу, которую он читал, когда все случилось? Название он забыл, но она лежит у него на тумбочке в летнем домике. Пия делает, как он говорит. Однако книга, которую он ранее успел осилить до половины, если судить по закладке в ней, так и остается нетронутой. Оказывается, он понятия не имеет, о чем там идет речь. А начать ее снова не в состоянии. Не сейчас, позднее, пожалуй, когда он снова станет самим собой.

В выходные приходят его дети, сначала дочь и зять, потом сын и невестка. Внуков им пришлось оставить дома, хотя он даже и не заикался об этом. Взамен они передают ему послания и подарки от них.

Старшая (ей уже исполнилось семнадцать, и весной она должна окончить гимназию) написала ему длинное письмо, где призывает «лучшего в мире деда» завязывать со стрессами, вести спокойный образ жизни и больше отдыхать, «не реагировать на всякую ерунду», «не принимать все слишком близко к сердцу». Для придания большего веса своим словам она прислала также книгу по медитации и пиратскую копию компакт-диска с лучшими композициями медитативной музыки.

Ее младшая сестренка передала сделанный ею рисунок. На нем Юханссон с перебинтованной головой лежит в кровати, окруженной людьми в белых халатах. Но выглядит он радостным и раздает указания, а сама она желает дедушке «быстрее поправиться».

Их кузен, который на два года моложе младшей из внучек, напел ему на мобильный телефон песенку тонким мальчишеским голоском и передал половину своих субботних сладостей. Банановую пастилу в шоколаде и мармелад, липкие от детских ручек после определенных сомнений, судя по всему. Два его младших брата-близнеца в виде исключения потеснились на одном листе, нарисовали человечков и нечто, вероятно, по их замыслу, изображавшее солнце.

Для близких он любимый супруг, отец, дедушка, а для него лучше, если бы они сейчас оставили его в покое, не видели в нынешнем беспомощном состоянии, лишили сомнительного удовольствия наблюдать жалость и беспокойство в их глазах.

Попытки прочих любимых и дорогих навестить его Пия пресекла в корне. Ярнебринга, который звонит по большому счету постоянно, старшего брата, достающего его по телефону каждое утро и вечер и, кроме того, испытывающего острую нужду обсуждать с ним их дела. Всех других родственников, друзей, знакомых и бывших коллег, желающих знать о том, как обстоят дела.

– Тебе не сладко приходится, дорогая, – говорит Юханссон и гладит жену по руке. – Но скоро все закончится. Я собираюсь попроситься домой в понедельник, сразу после выходных.

– Мы вернемся к этому позднее, – отвечает Пия со слабой улыбкой.

Поскольку он слышал данную реплику раньше, то знает, что в понедельник в любом случае ничего не получится.

Хотя ему и становится лучше и лучше. Количество шлангов, трубок, проводов и уколов уменьшилось наполовину. Головная боль появляется все реже. Он получает почти все свои снадобья в виде разноцветных таблеток, разложенных в маленькие пластиковые чашечки, сам глотает их и запивает водой. А в понедельник старшая медсестра отделения выдала ему собственную переносную таблетницу. Важно научиться правильно обращаться со своими лекарствами, и чем раньше он освоит эту премудрость, тем лучше.

Юханссон показал ее своей супруге в тот же вечер. Маленькую коробочку из красной пластмассы с семью узкими, отдельно закрываемыми отсеками по числу дней недели. И в каждом по четыре ячейки для утра, дня, вечера и ночи, а всего их двадцать восемь. Рассчитанных примерно на десяток таблеток в сутки.

– Медаль – пожалуйста, пенсию – пожалуйста, но сначала – таблетница, – констатировал Юханссон с кривой улыбкой, которая у него сегодня выглядит совершенно натуральной.

– Да, – согласилась Пия. – Значит, ты знаешь, что идешь на поправку.

Потом она улыбнулась и губами, и глазами и выглядела столь же радостной, как и когда в первый раз улыбнулась ему.

«Спасибо, что ты вернулся ко мне».

8

Утро среды 14 июля 2010 года

В среду утром он встретился с Ульрикой Стенхольм, которая принесла исписанный пометками блокнот.

– У тебя с собой мой приговор, – пошутил Юханссон, кивнув на ее записи.

– Если ты в состоянии слушать, то...

– Я готов, – подтвердил Юханссон, и внезапно его захлестнуло сильное и совершенно необъяснимое чувство. На сей раз радостное возбуждение.

Доктор Стенхольм четко и методично излагает суть дела, словно читает лекцию в университете. У него образовался тромб в левом полушарии головного мозга, что привело к «частичному параличу правой стороны», и в результате, помимо всего прочего, «уменьшилась подвижность» его правой руки и снизились чувствительность, подвижность и сила правой ноги. Поскольку он прекратил дышать примерно на минуту, вероятно, мозговая функция также была нарушена на короткое время, но каких-либо необратимых повреждений найти не удалось.

– В кратковременной остановке дыхания нет ничего необычного, и ее могут вызвать самые разные причины, – объяснила Ульрика Стенхольм.

– Я вообще не понимаю, почему это со мной случилось. Я никогда не имел проблем с башкой. Даже почти не пользовался таблетками от головной боли.

«И простата функционирует замечательно», – подумал он, но поскольку это не имело никакого отношения к делу, предпочел промолчать.

– Проблема не в этом, – сказала доктор Стенхольм. – Проблема в твоём сердце.

– В моём сердце, – повторил Юханссон.

«О чем, черт возьми, она говорит? Небольшая одышка порой, при излишних физических нагрузках немного давило в груди, пожалуй сердечко чуточку пошаливало, могла слегка закружиться голова, когда он вставал слишком резко. В общем, ничего сверхъестественного. Обычно, чтобы прийти в норму, хватало нескольких глубоких вдохов и короткого сна днем.

– Твое сердце, к сожалению, не в лучшем состоянии.

Она изменила положение головы и кивнула два раза, чтобы подчеркнуть свои последние слова.

– То есть тромб, в моей черепушке просто некий бонус, – сказал Юханссон.

– Да, пожалуй, можно так сказать. – Она улыбнулась. – Теперь я должна объяснить подробнее.

«Неплохой список», – подумал Юханссон, как только она закончила. Фибрилляция предсердий, нарушение сердечного ритма, увеличение сердца, аневризма аорты... Его мотор работал слишком надрывно и неровно плюс еще какой-то подарок, название которого он не запомнил, и все из-за того, что многовато ел, вдобавок чересчур жирную пищу, мало двигался, имел приличный избыточный вес и высокое кровяное давление, слишком много волновался, и у него зашкаливало содержание холестерина в крови.

– Фибрилляция предсердий – главное зло во всей драме. Из-за нее образуются тромбы, – объяснила доктор Стенхольм, в то время как ее мина не оставляла никаких сомнений относительно наличия и массы других проблем у него в груди.

– И что ты думаешь делать со всем этим? – спросил Юханссон. Сдаваться он точно не собирался. Особенно при мысли обо всех тех налоговых отчислениях на здравоохранение,

которые ему пришлось сделать за долгую и нелегкую трудовую жизнь, тогда как симулянты разных мастей обкрадывали его при помощи своих доверчивых врачей.

– Лекарства, – ответила Стенхольм. – Из тех, которые понижают кровяное давление, разжижают кровь, уменьшают холестерин, и ты уже принимаешь их. Но остальное, однако, придется делать самому.

– Скинуть вес, избегать стрессов, начать прогулки, – перечислил Юханссон.

– Видишь, ты все прекрасно знаешь. – Доктор Стенхольм улыбнулась. – Тебе надо начать заботиться о себе. Только и всего, ничего сложного.

– И тогда я доживу до Рождества? – спросил Юханссон. У него стало радостно на душе, давно он не чувствовал себя так хорошо.

С чего бы это?

– Я серьезно, – произнесла Ульрика Стенхольм без намека на улыбку на лице. – Если ты не изменишь свой стиль жизни, и я имею в виду радикальные перемены, то умрешь. Если прекратишь принимать свои лекарства или даже будешь небрежно относиться к ним, боюсь, это случится довольно скоро.

– Но тромб, который проник ко мне в башку, стал просто маленьким бонусом. Поскольку мое сердце внезапно закапризничало и начало доставать меня?

– Он был предупреждением, – ответила она. – И ты еще легко отделался. У меня есть пациенты, получившие более серьезный первый звонок по сравнению с тобой. Проблемы с сердцем, вдобавок, возникли у тебя уже несколько лет назад. Разве твой врач не говорил тебе об этом?

Доктор Стенхольм внимательно посмотрела на него.

– Я регулярно проверяюсь. Ежегодно у меня слушают сердце и так далее, – объяснил Юханссон. – Но мой доктор обычно доволен мной.

– Неужели никогда ничего не говорил?

– Нет, – подтвердил Юханссон. – Только что мне надо меньше волноваться. Но никогда никаких лекарств, ничего такого.

– Станный врач, если хочешь знать мое мнение.

– Ни в коем случае, – возразил Юханссон. – Мы сто лет охотимся вместе. Ходим на лося в местах, где я родился и вырос. Он родом из соседней деревни. Его отец был ветеринаром в Крамфорсе. Сам он изучал медицину в Умео. Обычно осматривает меня, когда мы видимся на сентябрьской охоте.

– Извини за назойливость, но он никогда ничего не говорил о твоём сердце?

– Не-ет, – ответил Юханссон, его уже начало реально утомлять ее нытье, которому, казалось, не будет конца. – При нашей последней встрече он даже восхищался моим хорошим здоровьем. Завидовал мне. Сказал, что я, наверное, счастливый человек.

– Восхищался? И в каком же плане?

«Ладно уж», – подумал Юханссон и решил закончить их совершенно бессмысленный разговор.

– По поводу моего члена и простаты, – объяснил он. – Как он сказал? Буквально, будь у него мой член и моя простата, он был бы счастливым человеком. Он уролог и наверняка знает, о чем говорит. Повидал на своем веку много километров мужских достоинств.

«Ну, довольна? Сама напросилась».

Доктор Стенхольм лишь разочарованно покачала головой. С кислым выражением лица.

– У тебя самой, кстати, есть какие-то вопросы? – спросил Юханссон с невинной миной.

– А если я спрошу о том, что очень меня заинтересовало? «О чем она? И все такая же хмурая», – подумал Юханссон.

– Относительно белки, – догадался он. – Если ты в состоянии слушать.

Его внезапно вспыхнувшая злость уже угасла.

Потом он рассказал ей обо всех белках, застреленных им в детстве. О том, как они двигают головой. О тех сотнях часов, которые он просидел, наблюдая за ними. И что она для обычного наблюдателя, не имеющего его опыта в данной области, никоим образом не напоминает белку.

– У меня, наверное, что-то вроде нервного тика.

Ульрика Стенхольм кивнула в подтверждение своих слов.

Сейчас ее настроение явно улучшилось. Она даже улыбнулась, но голову держала прямо.

– Вообще-то я хотела спросить о другом. Это касается не тебя лично, а твоей работы. Твоей прежней работы, – объяснила она. – Решила воспользоваться случаем, пока мы с тобой наедине. У меня есть один вопрос.

Юханссон кивнул.

– Ты в состоянии выслушать? Это долгая история.

– Я слушаю, – сказал Юханссон.

Так это началось для Ларса Мартина Юханссона. Поскольку для других участников событий все произошло гораздо раньше.

9

Утро среды 14 июля 2010 года

Долгая история. Длинная прелюдия. Масса вопросов, последовавших потом. Хотя предмет ее интереса оказался довольно простым. Помнит ли он убийство Жасмин Эрмеган? Ей было всего девять лет, когда ее изнасиловали и убили.

Но сначала была прелюдия, к сожалению, слишком длинная и путаная, по его мнению.

У Ульрики Стенхольм была сестра Анна, тремя годами старше ее, которая была прокурором и в профессиональном плане почитала Ларса Мартина Юханссона как идола. И рассказывала множество историй о нем своей младшей сестренке Ульрике.

– Она работала у тебя несколько лет в ту пору, когда ты занимал руководящий пост в СЭПО². По ее утверждению, ты умеешь видеть сквозь стену. У тебя нет необходимости подкрадываться и пытаться заглянуть в приоткрытую дверь.

– Так, в принципе, и должно быть, – заметил Юханссон. «За кого она меня, собственно, принимает? И ее сестру я совсем не помню, – подумал он. – А видеть сквозь стену... Положение обязывало. Был шефом по оперативной работе. Не каким-то рядовым бюрократом».

– Нашего отца звали Оке Стенхольм. Он был священником и пастором в приходе Бромма, – продолжала Ульрика. – Речь, собственно, о нем. Он умер этой зимой, перед самым Рождеством. Ему было восемьдесят пять лет, когда рак забрал его. К тому времени он, конечно, давно отдыхал на пенсии. Вышел в восемьдесят девятом. В шестьдесят пять лет.

Юханссон почувствовал быстро растущее раздражение.

«И что мне с этим делать?» – подумал он.

– Я немного волнуюсь, – сказала Ульрика Стенхольм и нервно мотнула головой. – Но постараюсь перейти к самой сути. Мой папа за пару дней до смерти рассказал, что одно дело мучило его очень много лет. Одна из его прихожанок, исповедуясь, сообщила ему, что знает, кто убил маленькую девочку. Ее звали Жасмин Эрмеган. Ей было девять, когда все случилось, и она жила в приходе Бромма. Однако женщина, исповедовавшаяся ему, заставила моего отца пообещать ничего никому не рассказывать, а поскольку речь шла о таинстве покаяния, не возникло никаких проблем. Как ты наверняка знаешь, священники обязаны строго хранить тайну исповеди без каких-либо исключений, в отличие от твоих и моих коллег. Но это ужасно мучило его, ведь преступника так и не нашли.

«Не история, а темный омут какой-то», – подумал Юханссон, и ситуация нисколько не улучшилась оттого, что у него внезапно заболела голова.

– Меня интересует, куда мне с этим пойти...

– Дай мне бумагу и ручку, – перебил ее Юханссон, щелкнув пальцами левой руки. – «И зачем мне это нужно сейчас», – мелькнула мысль. – Подожди, – сказал он. – Лучше, если ты будешь писать. Запиши. На новой странице. Как ты говоришь, звали жертву? Ну, ту, девятилетнюю. Она еще жила в приходе твоего отца.

– Жасмин Эрмеган.

– Запиши, – распорядился Юханссон. – Давай действовать таким образом. Жертва, двоечье. Жасмин Эрмеган, девять лет, проживала в приходе Бромма.

Ульрика Стенхольм кивнула и написала. Закончив, подняла глаза и кивнула снова.

– Когда это случилось?

«Вряд ли ведь недавно?»

² Служба государственной безопасности Швеции.

– В июне 1985-го, так писали в газетах несколько недель назад. Там был большой репортаж в связи с тем, что минуло двадцать пять лет со времени трагического события.

– Подожди-ка, – остановил ее Юханссон. – Когда в июне? В июне 1985-го? – уточнил он на всякий случай.

«Давно я не разговаривал с таким бестолковым источником», – с раздражением подумал Юханссон. Ситуацию усугубляла чертова головная боль, и вдобавок он был пенсионером и пациентом, который, как считалось, должен воспринимать все с абсолютным спокойствием.

– Она исчезла вечером в пятницу 14 июня 1985-го. Неделю спустя девочку нашли убитой, ее изнасиловали и задушили в канун Янова дня. Именно 21 июня восемьдесят пятого года ее и нашли. Убийца закопал тело в лесу недалеко от Сигтуны. Упаковал в ужасные черные полиэтиленовые мешки.

– Подожди, подожди, – перебил Юханссон. – Какой день сегодня?

В его голове оказалась по этому поводу абсолютная пустота, ставшая для него неприятным сюрпризом.

– Среда, – ответила Ульрика Стенхольм. – Сегодня среда.

– Не то, – сказал Юханссон. – Какая дата?

– Сегодня 14 июля. Среда, 14 июля 2010.

– И сколько же, получается, прошло? – спросил Юханссон. – С тех пор, как ее нашли?

– Двадцать пять лет и три недели, чуть больше. Двадцать пять лет и двадцать три дня, если я правильно подсчитала.

– В таком случае срок давности истек. – Юханссон пожал плечами, и даже правое неожиданно подчинилось. – Я здесь бессилён. Тот, кто сотворил это, может делать вид, что ничего не произошло, а я не в праве даже говорить с ним об этом деле.

– Но закон относительно срока давности отменили. Риксдаг не далее как весной. Теперь он не распространяется на убийства. Смерть Улофа Пальме, например. Его дело никогда не закроют.

– Послушай меня, – сказал Юханссон. «Как она меня достала», – подумал он. – Срок давности для убийств и ряда других преступлений, которые наказываются пожизненным заключением, отменили с 1 июля этого года. Риксдаг, конечно, принял такое решение весной, но оно вступило в законную силу только 1 июля. И не касается убийств, срок давности по которым к тому моменту уже истек. Они умерли и похоронены навечно. Ты можешь поговорить со своей сестрой-прокурором, если не веришь мне.

– Да, но как же тогда Пальме?

– Поскольку Пальме убили в феврале восемьдесят шестого, его дело еще не закрыли по этой причине, и оно подпадает под данное изменение. По нему не существует срока давности. Жасмин, о которой ты говоришь, убили в июне восемьдесят пятого, и по ней срок давности уже истек, и решение риксдага ее не касается. Надеюсь, ты понимаешь разницу.

– Но это ведь ужасно! – воскликнула Ульрика Стенхольм. – Предположим, что удастся разоблачить убийцу. Предположим, кто-то из твоих коллег найдет виновного в смерти Жасмин. Предположим, это случилось бы сегодня. Тогда вам пришлось бы просто отпустить его. Вы ничего не смогли бы сделать.

– Точно, – подтвердил Юханссон и кивнул. – Точно, – повторил он на всякий случай, поскольку юриспруденция, похоже, не была сильной стороной Ульрики Стенхольм.

– Но это же действительно ужасно, – повторила Ульрика Стенхольм. – Несмотря на тесты ДНК и все такое, чем мы сейчас располагаем.

– Ну конечно, просто дьявольщина какая-то, – согласился Юханссон, который, непонятно почему, пришел в очень хорошее расположение духа. – Да, и знаешь, что еще хуже? – спросил он.

– Нет.

Она покачала коротко подстриженной белокурой головой.

– То, что этот чертов тромб не образовался у меня полгода назад. Это непорядочно с моей стороны. Ведь тогда у нас хватило бы времени разрешить данную проблему. До того, как по ней истек срок давности. Опять же, ты могла бы поговорить с кем-то из моих коллег вовремя. Или твой отец-пастор сделал бы это. Или тот, кто убил Жасмин, мог бы любезно подождать пару недель, прежде чем лишит жизни бедную девочку.

– Извини меня, – сказала Ульрика Стенхольм совершенно искренне. – Мне не следовало мучить тебя...

– Да не об этом речь, – проворчал Юханссон. – Тот источник информации, женщина, исповедовавшаяся твоему отцу, она знала, кто убил Жасмин...

– Да...

– Как ее звали? Источник информации, я имею в виду.

– Не знаю, этого он так и не сказал. Папа же был связан тайной исповеди.

– Но черт побери! – выругался Юханссон.

«О чем мы тогда говорим?»

– Когда она рассказала все твоему отцу? – все-таки продолжил Юханссон. – Эта женщина.

– Как мне представляется, примерно через год после убийства Жасмин. Вряд ли ведь после лета восьмидесят девятого, поскольку тогда папа закончил служить и вышел на пенсию. И из его слов я поняла, что это была пожилая женщина из его прихода. А также что она рассказала все, исповедуясь моему отцу, будучи сама тяжело больной.

– Но тебе неизвестно ее имя? Ты понятия об этом не имеешь?

– Нет, ни малейшего.

– Откуда тогда ты знаешь, что женщина говорила правду? Она могла иметь проблемы с головой. Или просто хотела привлечь к себе внимание. В этом нет ничего необычного, да будет тебе известно.

– Мой папа, во всяком случае, поверил ей. А он был очень умным человеком. Опять же, ему приходилось слушать всякое, и его было нелегко обмануть.

– Твой отец сказал, что она сообщила ему, кто это сделал?

– Нет, этого он не говорил. Во всяком случае, мне.

– А своему мужу, или сыну, или какому-то родственнику, соседу, товарищу по работе. Кому-то, кого она знала. Никаких намеков ни о чем таком не было?

– Нет. Но я почти на сто процентов уверена, что она рассказала все моему отцу. Назвала имя.

– Откуда ей это было известно? Кто именно убил девочку?

– Не знаю. Мне известно только, что папа поверил ей, и это ужасно мучило его до самого конца.

– О'кей, о'кей, – сказал Юханссон. – Расскажи мне, как все происходило, когда отец поделился с тобой.

«Давай-ка с самого начала. Как все началось для тебя».

Бывший пастор прихода Бромма Оке Стенхольм умер от рака в возрасте восьмидесяти пяти лет в декабре прошлого года. Последние дни дочь находилась при нем неотлучно. Его жена, мать Ульрики, перешла в мир иной десятью годами ранее, а отношения отца с ее старшей сестрой складывались не лучшим образом. Последние годы они даже не разговаривали друг с другом. Поэтому Ульрика была для него единственным близким человеком. А также любимой дочерью.

Последние дни жизни он главным образом спал из-за сильных таблеток, призванных облегчить ему боль. За два дня до своей кончины, однако, он находился в полном сознании в течение нескольких часов и именно тогда поведал ей обо всем.

– Прежде всего он сказал мне, что не принял свою дневную порцию таблеток как раз по этой причине. Хотел сохранить ясный котелок, именно так он сказал, ясный котелок для разговора со мной.

– Ага. – Юханссон кивнул. – И это все?

– Да, – подтвердила Ульрика Стенхольм. – Я прекрасно понимаю, что, по твоему мнению, особенно не с чего начинать. Даже если бы не истек срок давности.

– Не мели чушь, – отрезал Юханссон. – Да будет тебе известно, Ульрика, при расследовании убийства надо оценить ситуацию. Нельзя ныть о том, насколько это трудно и как мало известно, а также молоть похожий вздор. Такой ерундой не занимается ни один настоящий полицейский. Оценить ситуацию и найти в ней повод для оптимизма – вот о чем идет речь.

– Хотя известно не так много...

– Не возражай, – перебил доктора Юханссон. – Давай лучше подведем итог, что нам известно. Записывай, кстати.

Ульрика Стенхольм кивнула, приготовила ручку и блокнот.

– В декабре прошлого года, перед самой своей кончиной, твой отец рассказывает тебе о том, что одна из его пожилых прихожанок поведала ему. Двадцать лет назад, всего через пару лет после смерти Жасмин, исповедуясь, и когда сама она лежала на смертном одре. Все правильно понято?

«Исповедуясь», – Юханссон мысленно посмаковал уже подзабытое слово.

– Да, – подтвердила Ульрика Стенхольм.

– И все? Больше ты ничего не помнишь?

– Нет, – сказала Ульрика Стенхольм.

– Ага, – проворчал Юханссон. – Тогда действительно надо оценить ситуацию, да будет тебе известно.

– Я поняла. Но одна мысль пришла мне в голову, когда я увидела тебя в первое утро. На следующий день после того, как тебя доставили к нам.

– Я слушаю, – буркнул Юханссон.

– Эта история мучила не только моего отца. Но и меня тоже. Особенно в последнее время, когда о ней так много писали в газетах. Потом неожиданно здесь появляешься ты...

– Да?

– Мой папа был глубоко верующим человеком.

– Вполне логично. Для священника, я имею в виду, – заметил Юханссон.

– И я верю, хотя не настолько глубоко, надо признать. Знаешь, что папа, наверное, сказал бы?

– Нет, – проворчал Юханссон.

«Откуда мне знать?»

– Он так говорил всегда, когда происходили непонятные вещи. Странные совпадения и тому подобное, не поддающееся объяснению. Будь то плохое или хорошее.

– Я по-прежнему внимательно слушаю, – сказал Юханссон.

– Тогда папа обычно говорил: «Пути Господни неисповедимы», – продолжила Ульрика Стенхольм.

– Ты извини, но для меня подобное звучит как чистое богохульство.

Неожиданно это произошло снова. Головная боль исчезла. – О чем ты?

– О том, что Господь якобы послал тебе бывшего полицейского, без сознания, с тромбом в голове, с целью помочь разобраться с убийством, совершенным двадцать пять лет назад, по

которому уже истек срок давности, поскольку ему не хватило всего лишь пары недель, чтобы попасть под новый закон.

«Если задуматься, это же единственное, что хоть как-то обнадеживает во всей истории», – подумал Юханссон.

Доктор медицины и доцент кафедры неврологии Ульрика Стенхольм сорока четырех лет, хотя не выглядела даже на сорок, никак не отреагировала на его слова, во всяком случае, что касается движения головой.

– Пути Господни неисповедимы, – повторила она.

– Моя проблема в том, что я больше не могу видеть сквозь стену, – сказал Юханссон. – Я с трудом вижу перед собой, да будет тебе известно. И память зачастую подводит меня. На днях мне понадобился час, чтобы вспомнить, как зовут мою невестку. Внезапно меня на секунду посещают злость, радость, грусть и все такое, а я не могу понять причину. Я говорю странные вещи и ужасно ругаюсь. Убийство, о котором ты рассказывала, малышки Жасмин я ведь практически не помню. Честно говоря, не помню совсем.

– Это все из-за случившегося с тобой, – сказала Ульрика Стенхольм. – Так происходит со всеми в подобной ситуации, да будет тебе известно. И знаешь что...

Юханссон покачал головой.

– Поскольку мы говорим о тебе, я почти полностью уверена, что все это пройдет.

– И рука тоже? – спросил Юханссон.

– И рука тоже, – подтвердила доктор Стенхольм и кивнула. Потом она поднялась, кивнула снова и похлопала его по здоровой руке.

– Береги себя, – сказала она. – Увидимся завтра.

Только когда она выходила из комнаты, он вспомнил об этом. О самой первой из всех в профессиональном плане естественных мер, которые кто-то как бы стер из его головы.

– Черт! – крикнул Юханссон. – Вернись, женщина.

– Да, – сказала она, останавливаясь у его кровати снова.

– Твой отец, наверное, оставил массу бумаг и записей.

«Старые священники настоящие уникалы в части собирания подобной макулатуры».

– Целые ящики, – подтвердила Ульрика Стенхольм.

– Постарайся найти среди них что-нибудь, – предложил Юханссон.

«Не мне же заниматься подобными поисками».

Потом Ульрика Стенхольм ушла и едва успела закрыть за собой дверь, как он заснул.

«Человек, который когда-то мог видеть сквозь стену», – подумал Юханссон, прежде чем Гипнос взял его за здоровую руку и осторожно увел в темноту. Поманил зеленой маковой головкой, держа ее в своей маленькой белой ручке.

10

Вторая половина среды 14 июля 2010 года

В свои лучшие дни Ларс Мартин Юханссон был известен среди коллег как «человек, способный видеть сквозь стену». А также как ходячая криминальная энциклопедия, когда дело касалось насильственных преступлений. Как только его товарищи по работе сталкивались с какой-нибудь старой историей и не могли разместить ее во времени и пространстве, они обычно для начала обращались к Юханссону. Это, как правило, экономило массу времени для того, кто задавал вопрос (иначе ему пришлось бы долго просидеть перед компьютером), и Юханссон почти всегда был в состоянии помочь, и радовался, что его спросили, и отвечал со всеми деталями. Кроме того, он обладал отличной памятью на цифры и зачастую даже вспоминал регистрационный номер дела, интересовавшего его коллегу.

Сейчас что-то случилось в его голове. Ладно, забыл имя второй жены сына, подобное он еще мог пережить. Вдобавок вспомнил его некоторое время спустя.

Но он никак не мог отыскать в своей памяти убийство Жасмин, которой, согласно полученным сейчас данным, было девять лет от роду, когда ее изнасиловали и задушили, и это удручало его значительно сильнее. И то, что все случилось двадцать пять лет назад, выглядело еще хуже. Убийства той поры, когда он находился в расцвете сил, Юханссон обычно помнил даже лучше, чем случившиеся позднее, а наиболее известные из них знал в малейших подробностях.

В общем, его одолевало сильное беспокойство, почти страх, и не столько из-за забытого знакового преступления, сколько в связи с явным сбоем в голове.

Сначала он собирался позвонить медсестре. Попросить у нее дополнительную таблетку, которая позволила бы ему отключиться от всего на свете, отодвинула на второй план все, мучившее его и не дававшее ему покоя. Чтобы вся подобная дребедень, о чем бы ни шла речь, уже не касалась его.

Но не в этот раз.

– Возьми себя в руки, – громко скомандовал Юханссон самому себе.

«Надо войти в Интернет и посмотреть», – подумал он. Возможно, его Белочка просто-напросто что-то перепутала, и именно поэтому он не мог вспомнить убийство Жасмин. И, подумав так, он сразу же принял решение, но с его реализацией произошла заминка.

Проблемы, проблемы, проблемы. Вроде бы ему и требовалось-то всего лишь взять ноутбук с тумбочки, поместить его перед собой на кровати, поднять крышку и включить, но все приходилось делать левой рукой, тогда как правая только мешала. И в довершение всего, когда прочие преграды остались позади, он обнаружил, что забыл код доступа. Тот самый, с которым не имел проблем еще утром, до того как докторша заглянула в его палату со своей бедой и усложнила ему жизнь. В результате он не смог воспользоваться своим компьютером. Словно только этого и не хватало, чтобы вместе со всем остальным выбить его из колеи.

Но все равно он сделал разрешенное количество попыток. Почувствовал, как пот ручейками побежал по его лбу, снова появилась головная боль, и сердце бешено заколотилось в груди. И было хуже с каждым разом, когда система снова говорила ему «нет».

«Черт, черт, черт», – подумал Юханссон в бессильной злобе. Тогда он набрал телефон Пии. Она сидела на совещании, но ответила сразу, поскольку увидела, кто звонит, и даже не задумываясь над тем, как взволнованно звучал ее голос.

– Ларс, что-то случилось? – спросила она.

– Я забыл мой пароль, – сказал Юханссон.

– Твой пароль?

– Код доступа в компьютер, – объяснил он.

– Боже, как ты меня напугал, – выдохнула Пия.

– Пароль, – повторил Юханссон.

«Чертова баба», – подумал он. Впервые он адресовал такие слова Пии. В первый раз с тех пор, как они встретились больше двадцати лет назад.

– Он записан у меня дома, – пояснила Пия. – Ты получишь его, когда мы увидимся вечером. Я не знаю его наизусть.

– Но, черт побери, женщина, неужели так трудно запомнить какой-то дерьмовый набор букв и цифр? – воскликнул Юханссон в секундном порыве абсолютно немотивированного гнева в отношении той, кого он любил больше всех других и всего иного.

– Ларс, ты никогда не кричал на меня, это не ты, Ларс. Мы оба знаем причину, но, милый, ты не должен кричать на меня.

У него перехватило горло. Тоже всего на секунду.

– Извини, – сказал Юханссон. – Извини, любимая.

Отключил телефон, но недостаточно быстро, поскольку слезы уже текли по его щекам.

Он вытер лицо простыней, и его нисколько не обеспокоило, что ноутбук свалился под кровать. Он вполне мог лежать там, пока кто-нибудь не придет и не подаст его ему. Затем Юханссон сделал три глубоких вдоха, взял мобильник и набрал номер своего лучшего друга. Это не составило особого труда, поскольку он находился в памяти его телефона, и Юханссон справился левой рукой и большим пальцем.

– Ярнебринг, – прозвучало в ответ уже после второго сигнала.

– Привет, Бу, – сказал Юханссон. – Это я.

– Дьявольщина, – прорычал Ярнебринг. – Вот так сюрприз. Как дела у тебя? Судя по голосу, неплохо.

– Я собирался попросить тебя об одной услуге. – У тебя же есть ключи от моей квартиры. Ты не мог бы заехать ко мне и посмотреть пароль моего ноутбука? Я записал его и положил в тайник, ты знаешь.

– Естественно, – буркнул Ярнебринг. – Увидимся через час.

– Я чувствую себя превосходно, кстати, – сообщил Юханссон. – Как жемчужина в золоте.

– Да, у тебя бодрый голос, – констатировал Ярнебринг. – Не бормочешь себе под нос и не заговариваешься.

– Никогда не чувствовал себя лучше, – объяснил Юханссон, которому в голову внезапно пришла идея. Крайне приятная по сравнению со всем другим, валившимся на него сейчас. Плюс лежавший на поверхности настоящий бонус. А не какой-то тромб в башке в качестве добавки к больному сердцу. – Да, еще одно дело. Раз уж ты все равно будешь у меня дома, захвати с собой бутылку шнапса, и потом, не мог бы ты остановиться по пути у Гюнтера, ты знаешь, и купить большую братвурст с кислой капустой и горчицей. Черт с ней, с водой, у меня ее и здесь хватает.

– Ты явно проголодался, – заметил Ярнебринг. – Странная еда для больницы, насколько я понимаю.

– Можешь ты это сделать?

– Само собой, – сдался Ярнебринг. – Колбаса и пароль, шнапс и кислая капуста, мы увидимся через час.

«Мой лучший друг», – подумал Юханссон. Он не собирался распускать нюни. Вытянулся в кровати во весь рост, и ему даже непостижимым образом удалось сложить руки на животе. Никакой головной боли, никакой злости, никакого беспокойства.

«Покой, – подумал Юханссон. – Наконец кто-то смог успокоить душу странника и охотника вроде меня».

Так все продолжилось для Юханссона. И так заново началось для его лучшего друга Бу Ярнебринга. Двадцать пять лет спустя.

Часть вторая

Око за око, зуб за зуб...
Вторая книга Моисея, 21: 24

11

Вторая половина среды 14 июля 2010 года

Ярнебринг выглядел как обычно. Он остановился в дверях палаты Юханссона, сначала обвел ее взглядом, фиксируя каждую мелочь. Точно как при обыске в каком-нибудь нарко-притоне. И только потом подошел к кровати друга и сел сбоку от нее. Улыбнулся и покачал головой.

– Ну и видок у тебя, Ларс, – сказал Ярнебринг. – Хотя ты выглядишь гораздо бодрее, чем я предполагал, – поспешно добавил он, поскольку осознал смысл собственных слов.

«Что-то здесь не сходится, – пришел к выводу Юханссон. – Чего-то не хватает». Того, что вряд ли могло поместиться в большом коричневом пакете, который Ярнебринг поставил около его койки. Вдобавок от Ярнебринга пахло одеколоном. Только им, и ничем иным. Он не почувствовал никаких запахов, свидетельствовавших о визите к Гюнтеру.

– Где, черт возьми, моя колбаса? – спросил Юханссон жалобно.

– Послушай, Ларс. – Ярнебринг подался вперед, взял его за плечо большой рукой и крепко обнял. – Ты – мой лучший друг. Я очень рад, что ты жив, да будет тебе известно.

– Я тоже, – проворчал Юханссон. – Но где моя колбаса? И мой шнапс?

– Здесь, – ответил Ярнебринг и высыпал содержимое пакета ему на кровать. – Яблоки, груши, апельсины, бананы, я даже купил для тебя шоколад, горький, исключительно полезный для здоровья.

– И никакой колбасы, – констатировал Юханссон.

– Никакой, и шнапса тоже, – подтвердил Ярнебринг. – Если хочешь доконать себя, обходись собственными силами. В этом я тебе не помощник. Зато я принес пароль твоего компьютера, который ты просил. И как только оклемаешься и оставишь данное заведение, я лично отведу тебя в мой тренажерный зал, чтобы тебя немного привели в порядок.

– Большое спасибо за помощь. С такими друзьями мне не нужны враги.

– Кончай ныть, – сказал Ярнебринг. – Ты не единственный, кого надо пожалеть. Пии нелегко пришлось, да будет тебе известно. И мне, кстати, тоже. В понедельник вечером на прошлой неделе, когда ты попал сюда, звонит какой-то идиот из «Афтонбладет» и рассказывает, что тебе выстрелили в живот и ты лежишь в реанимации. А я сижу в тишине и покое в саду с супругой, моей сестрой и шурином и пью холодное пиво. Наслаждаюсь жизнью на пенсии, и тут меня достает по телефону этот придурок и утверждает, что ты получил пулю и вот-вот отдашь богу душу. Интересуется, есть ли у меня комментарии.

– И они у тебя нашлись? – спросил Юханссон.

– Я попросил его убираться к черту. Потом набрал наш центр управления и поинтересовался, имеется ли у них какая-либо информация. А там сидит другой идиот, коллега, – откуда, черт возьми, набирают таких? – и говорит, что, по сообщению парней из пикета, они отвезли тебя в отделение скорой помощи Каролинской больницы, и потребовалось это сделать так срочно, что не стали ждать обычной скорой. И больше он якобы ничего не знает. Представляешь, как я всполошился. Начал звонить в больницу, но доктора отказывались разговаривать со мной, а у Пии постоянно было занято, и понятно, я дьявольски обеспокоился.

– Тебе досталось, – сказал Юханссон.

– Да уж, надо признать, – подтвердил Ярнебринг. – Но как раз когда я собрался сесть за руль, несмотря на три-четыре банки пива, чтобы ехать в Каролинскую больницу и прощаться с тобой, звонит один из моих бывших парней и рассказывает, как все обстояло. Он оказался одним из тех, кто отвез тебя, и мы до сих пор поддерживаем контакт.

– Петво, – сказал Юханссон. – Патрик Окессон.

Внезапно он это вспомнил.

– Вот видишь, ты не совсем потерял рассудок. Но и в живот тебе никто не стрелял. Все оказалось из той же оперы, чем ты занимался последние двадцать лет. Старательно загонял себя в могилу. Грохнулся в обморок от чертовой колбасы, горчицы, соуса и прочей непотребной пищи и ею же перепачкался.

– Ну что ты, – возразил Юханссон. – Грохнулся...

– Не перебивай меня, – прорычал Ярнебринг. – Я должен сказать тебе, что твоя колбаса нисколько меня не волнует. Но обо всем остальном по большому счету можешь меня просить.

– В таком случае есть одно дело, которое меня интересует, и ты, пожалуй, мог бы помочь мне с ним.

– Я слушаю, – буркнул Ярнебринг.

– Известно ли тебе об одном убийстве двадцатипятилетней давности. Летом восемьдесят пятого. Девятилетней девочки. Ее изнасиловали, задушили и закопали около Сигтуны. Жасмин Эрдоган.

Ярнебринг удивленно посмотрел на него.

– Почему оно тебя интересует?

– Какая тебе разница, – буркнул Юханссон. – Мы вернемся к этому позднее, – добавил он, чтобы сгладить ситуацию. – Так ты помнишь это дело?

– Да, – ответил Ярнебринг и кивнул.

– Рассказывай, – велел Юханссон.

– Жасмин Эрмеган звали ее. Не Эрдоган, а Эрмеган. Если коротко... Она была из Ирана. Вместе с родителями приехала сюда, когда ей было год-два. Она исчезла из дома своей матери в Сольне в пятницу вечером 14 июня 1985 года. Ее задушили не руками. А скорее всего подушкой, если верить судмедэксперту, поскольку он нашел птичий пух и крошечные белые остатки волокон у нее в плотке. Тело упаковали в четыре черных полиэтиленовых мешка, которые скрутили вместе обычным скотчем. Преступник бросил ее в заросли тростника в бухте озера Меларен в паре километров на север от Скокlostерского замка. Не закопал, а просто выбросил. Туда можно проехать на автомобиле. Убийце требовалось пронести ее всего десять метров, а с этим большинство справилось бы, поскольку весила она не более тридцати килограммов.

– Откуда ты это знаешь?

«Откуда Ярнебринг может это знать, если я ни черта не помню?» – подумал Юханссон.

– Я занимался ее делом, – ответил Ярнебринг. – Поэтому в этом нет ничего странного. Мне известно все об убийстве малышки Жасмин. Одно только я не знаю.

– И чего же? – спросил Юханссон, хотя знал ответ.

– Кто лишил жизни бедную девочку, – сказал Ярнебринг. – С этим дьяволом я с удовольствием обменялся бы парой слов.

12

Вторая половина среды 14 июля 2010 года

– А сейчас колись, – сказал Ярнебринг и откусил большой кусок от одного из яблок, которые только что отдал Юханссону. – Откуда такой интерес к убийству двадцатипятилетней давности? Ты собираешься вернуться на службу?

– Нет, конечно. Просто одна из здешних сотрудниц спросила меня об этом, наверное, что-то прочитала в газете, и тогда я обнаружил, что не имею никакого понятия, о чем идет речь. Не самое приятное ощущение, ведь как раз такие вещи я обычно помню.

– Здесь нет ничего странного, – съязвил Ярнебринг и усмехнулся. – Ты ведь сидел в Главном полицейском управлении в те времена. Закопался среди всяких папок, и не видел, и не слышал ничего.

– Ну, не совсем так, – возразил Юханссон.

– Ладно, ладно. – Ярнебринг пожал широкими плечами. – Я, конечно, не врач, но это, пожалуй, следствие того, что сейчас произошло с тобой. Такая мысль не приходила тебе в голову? Тромбы в черепушке дают подобный эффект. Я помню моего отца. Он внезапно перестал узнавать всех в нашей семье. И до конца жизни просто сидел и плакал или смеялся по любому поводу. Не был больше самим собой, скажем так.

– Со мной все не так плохо, – напомнил Юханссон. – Правда, местами в башке все точно резинкой стерли. Но такое, мне кажется, я по-любому не забыл бы. Вероятно, об этом много писали в газетах. Убийство Хелен Нильссон из Хёрбю в восемьдесят девятом году я, например, по-прежнему помню во всех деталях.

– Нет. – Ярнебринг решительно покачал головой. – В данном случае все получилось совсем не так, как с Хелен. О Жасмин в газетах писали в сто раз меньше. И ни слова по радио и по телевизору.

– И почему? – спросил Юханссон. – Девятилетняя девочка исчезает из дома в пятницу вечером. Все ведь должны были стоять на ушах.

– А не произошло по большому счету ничего, – сказал Ярнебринг. – Ее родители к тому моменту уже год как разъехались. Жасмин жила попеременно неделю у отца и его новой женщины в Эппельвикене, а другую – у матери в Сольне. Та жила одна. И в тот день, значит, дочь находилась у нее, но через несколько часов они поругались. Девочка забрала свои пожитки и ушла оттуда. А когда мамаша в конце концов обратилась к нашим коллегам в Сольне, она свято верила, что Жасмин поехала назад к своему отцу. Она звонила туда, естественно, но никто не ответил. Дежурный в Сольне отправил патрульную машину домой к нему. Мать сама отказалась ехать с ними, она смертельно боялась своего бывшего муженька, но вила, где он проживал, оказалась пустой и запертой. Немного странно, поскольку его товарищи по работе, с кем коллеги также успели пообщаться, утверждали, что он должен трудиться в выходные. Он был врачом, кстати. Занимался каким-то таинственным экспериментом, из-за которого ему приходилось постоянно кататься между работой и домом и проверять массу подопытных животных, умирающих в результате неких воздействий с его стороны. Но в пятницу вечером он внезапно куда-то сорвался. Уговорил сослуживца подменить его. Хотя прошла неделя, прежде чем мы узнали об этом. Папаша, между прочим, трудился здесь.

– Где? В неврологии?

– Нет, в Каролинском институте. Был доцентом какого-то исследовательского отдела.

– Вот так, значит, – задумчиво произнес Юханссон.

– Точно, – подтвердил Ярнебринг. – Поэтому у всех сложилось мнение, что, когда девочка появилась у отца дома, у того крыша поехала, он забрал ее и куда-то свалил. Они с женой как раз разводились, и процесс происходил по-настоящему бурно. Из-за Жасмин, кото-

рая была их единственным ребенком, по большей части, да и всего иного тоже. В то, что все именно так и произошло, поверили и мы, и мать девочки.

«Обычная история, – подумал Юханссон. – Классический пример того, почему дело пошло наперекосяк с самого начала, – подумал он. – Все выглядело нормально, все вроде правильно думали. А выходит, полностью ошибались».

– Однако в канун Янова дня, когда девочку нашли, началась другая песня. Именно тогда меня подключили. Вызвали вместе с моей группой на помощь коллегам из Сольны. К сожалению, не все пошло гладко, но не из-за меня, а из-за идиота, руководившего расследованием.

– Я думал, ты возглавлял его, – удивился Юханссон. – По твоим словам, это ведь было твое дело.

– Я ходил в заместителях, – уточнил Ярнебринг. – Роль шефа досталась коллеге.

– И кому же?

– Ты хочешь это знать? – поинтересовался Ярнебринг с широкой улыбкой.

– Угу, – подтвердил Юханссон.

– Эверту Бекстрёму. – Ярнебринг улыбнулся еще шире.

– Боже праведный, – проворчал Юханссон.

13

Вторая половина среды 14 июля 2010 года

– Дай мне еще стакан воды, – попросил Юханссон и кивнул в направлении графина, стоявшего на его тумбочке.

– Ты красный как рак, Ларс, – сказал Ярнебринг. – Мне, пожалуй, следовало выполнить твою просьбу вопреки всему и прихватить с собой бутылочку шнапса.

Ярнебринг наполнил стакан и осторожно вложил его в протянутую руку друга. Юханссон выпил воду большими глотками. И почувствовал себя совершенно спокойным. Даже без помощи каких-либо пилюль.

– Слишком поздно теперь, – сказал он и вытер оставшиеся капли с верхней губы. – Со шнапсом, я имею в виду.

– Ты, пожалуй, смог бы работать стоп-сигналом, Ларс, – сказал Ярнебринг. – Тебя ставят, например, где-то на переходе, и стоит ляпнуть что-то неподобающее, ты сразу «включаешь красный».

– Как, черт возьми, – сказал Юханссон, чувствуя срочную потребность снизить давление, – можно было додуматься, вообще прийти к мысли сделать Эверта Бекстрёма руководителем полицейского расследования в таком деле?

– Пожалуй, прежде всего это была вина Эббе, – заметил Ярнебринг. Судя по его мине, явно не без удовольствия.

– Вина Эббе? Какого Эббе?

– Эббе Карлссона. Чокнутого книгоиздателя, совавшего нос во все, чем занимались мы, профессиональные полицейские. Начиная с истории с посольством ФРГ, когда он трудился шефом по информации у министра юстиции, и вплоть до убийства Улофа Пальме двадцать лет спустя. В ту пору Эббе стал директором издательства «Бонниерс» и в принципе не мог иметь отношения к расследованию преступлений. Да, или скорее к тогдашнему идиоту начальнику полиции Стокгольма, который сам назначил себя руководить расследованием убийства нашего дорогого премьер-министра, хотя не имел ни малейшего понятия, как раскрываются подобные дела, зато имел лучшего друга Эббе, способного помочь ему.

– Объясни, – попросил Юханссон.

– Тебя интересует длинная или короткая версия? – спросил Ярнебринг.

– Давай длинную, – предложил Юханссон, который чувствовал себя бодрым, как никогда.

– Эббе был голубым, если ты помнишь, – начал Ярнебринг.

– Какое это имеет отношение к делу?

– В данном случае самое непосредственное, – сказал Ярнебринг с кривой усмешкой.

– Как так?

– За полгода до убийства Жасмин наш книгоиздатель побывал в одном клубе родственных ему душ и положил глаз на молодого человека в костюме моряка. Он притащил его к себе домой, чтобы провести с ним время так, как они обычно делают. Да, пусть они и голубые, – добавил Ярнебринг.

– И что тогда случилось? – спросил Юханссон.

– Молодой человек в наряде Дональда Дака его ограбил. Отпинал довольно прилично и прихватил с собой хозяйский бумажник да еще всего понемногу. Помимо прочего, старое платье, якобы купленное издателем на аукционе. Оно вроде бы принадлежало Рите Хейворт, американской актрисе, как ты знаешь, и, конечно, стоило кучу денег.

– Продолжай, – сказал Юханссон.

– Издатель написал заявление в полицию, и разбираться с ним (надо же так повезти) досталось Эверту Бекстрёму. А тот не стал возбуждать дело, объяснив пострадавшему, что

подобного вполне следовало ожидать, раз уж он не взял себя в руки и не попытался стать нормальным человеком.

– Тихий ужас!

– Эббе, естественно, расстроился. Как любой другой в такой ситуации, кстати. Его же избили и ограбили, поэтому он позвонил своему лучшему корешу и рассказал о Бекстрёме и его выходках. Что тот обзывал его педиком и тому подобное.

– Начальник полиции рассердился, – констатировал Юханссон.

– Мягко сказано, – буркнул Ярнебринг. – Он, по-видимому, просто-напросто взбесился и угрожал прибить коротышку Эверта за такое поведение. Потом Бекстрёма выперли из отдела расследования насильственных преступлений Стокгольма. И сослали в дежурку криминальной полиции Сольны. Он сидел там в тот вечер, когда исчезла Жасмин, а поскольку было лето и пора отпусков, ему пришлось также стать руководителем расследования неделю спустя.

– И как все сложилось потом с делом Жасмин? – спросил Юханссон.

«Глупый вопрос», – подумал он, поскольку уже знал ответ.

– Вниз по наклонной, – сообщил Ярнебринг. – В общем, хуже некуда. И если быть честным, не только из-за Бекстрёма.

– Рассказывай, – попросил Юханссон.

– А ты выдержишь? – поинтересовался Ярнебринг. – И разве Пия не должна прийти сюда?

– Через три часа. У нас куча времени. Рассказывай.

Инспектор Эверт Бекстрём уже с самого начала четко уяснил для себя, как все случилось. Жасмин поругалась со своей матерью. Она поехала домой к отцу. Тот забрал ее с собой и покинул город, чтобы просто положить конец затянувшейся тяжбе по вопросу об опеке над ребенком. Когда Жасмин нашли убитой неделю спустя, ему понадобилось лишь незначительно подкорректировать свою версию. Отец не просто похитил собственную дочь. Он также изнасиловал и задушил ее. Ведь у таких, как он, свои взгляды на сей счет.

– Еще одно так называемое «убийство чести», которыми занимаются арабы, мусульмане. Бекстрём ведь знал это лучше, чем все другие.

Ярнебринг кивнул с мрачной миной.

– Но при чем здесь изнасилование? Как он смог объяснить это? Бедную девочку ведь изнасиловали.

Ярнебринг удивленно пожал плечами:

– Никаких проблем. По словам Бекстрёма, такие, как отец Жасмин, трахались с овцами, а если не было возможности, со своими детьми. Потом, как ни прискорбно, подоспела подмога со стороны матери девочки. Как я уже говорил, родители Жасмин как раз разводились, когда все случилось, и мать, чтобы склонить весы в свою сторону, написала заявление на мужа, обвинив его в неоднократном избиении. Дело по нему, кстати, закрыли довольно быстро, но, по-моему, он прилично поколачивал ее время от времени.

Ярнебринг кивнул задумчиво.

– А всего за пару месяцев до трагедии с их дочерью, мать добавила к своим старым обвинениям заявление, где утверждала, будто он сексуально домогался девочки. Так она хотела укрепить свои позиции. Оба жаждали получить опеку над ребенком, но в ожидании суда решили, что Жасмин будет жить у каждого из них по неделе. Школа, где она училась, находилась, кстати, в Стокгольме. Довольно приличное частное заведение, и она пошла туда, пока еще родители жили вместе.

– И это правда? – спросил Юханссон. – Он на самом деле насиловал дочь?

– Нет, – сказал Ярнебринг. – В этом у меня нет никаких сомнений. Я как раз перехожу к этому, – продолжил он. – Но в том, что он поколачивал жену, я совершенно уверен. К концу их совместного проживания, кроме того, мне кажется, подобное случалось довольно часто.

– Исключительно мрачная история, – вздохнул Юханссон.

– Дальше будет еще хуже, – проворчал Ярнебринг.

– Я слушаю, – поторопил его Юханссон.

– Когда нашли Жасмин, ее отец по-прежнему находился невесть где. К тому времени он отсутствовал уже целую неделю. На следующее утро, в субботу, в теле- и радионовостях рассказали о страшной находке. Не прошло и пары часов, как родитель девочки появился в полицейском участке Сольны. Полностью не в себе.

– И как все пошло дальше?

– К черту, все пошло к черту. Когда Бекстрём допрашивал его в первый раз, папаша попытался сломать руки и ноги коротышке Эверту. Он был здоровый, крупный парень, выглядел примерно как я. Но Бекстрём не настолько глуп. Поблизости хватало коллег, и отцу Жасмин прилично досталось, прежде чем его отвели в камеру. Прокурор сразу принял решение задерживать его. В тот момент он полностью поддерживал Бекстрёма. И большинство коллег тоже, да будет тебе известно. Даже я придерживался того же мнения в той ситуации. Его история о том, чем он занимался, пока отсутствовал неделю, к тому же, к сожалению, оказалась лживой.

– И как она звучала?

– Якобы он сидел в домике в шхерах совершенно один и философствовал о смысле жизни. Хибару ему одолжил коллега, что само по себе оказалось правдой, но все остальное было ложью по старой как мир причине.

– Поход налево. Он развлекался с новой пассией, – констатировал Юханссон.

– Конечно, – подтвердил Ярнебринг. – Но прошло несколько дней, прежде чем он признался. У него были свои сложности, если можно так сказать.

– Вот как? И в чем же они заключались? – поинтересовался Юханссон.

– Он уже обзавелся постоянной партнершей, как я говорил. Тоже доктором, его возраста. В этой истории хватает врачей, кстати. Именно с ней он жил на вилле в Эппельвикене, и вилла эта принадлежала ей, досталась от родителей. И они с этой женщиной встречались уже год, прежде чем он переехал от матери Жасмин. В то время его пассия отсутствовала. Отправилась в Испанию в отпуск на четырнадцать дней, навестить своих родителей, которые жили там, и ее новый сожитель воспользовался случаем. Закадрил молодое дарование, работавшее в одной с ним лаборатории, арендовал домик в шхерах у сослуживца, а там все пошло как обычно. Они играли в зверя с двумя спинами сутки напролет. Девица, которую он снял, была в два раза моложе его и тоже воспользовалась случаем оттянуться по полной программе. У нее жених служил в армии.

– В два раза моложе, ты говоришь. Но ведь не папаша лишил жизни свою дочь?

– Об этом и речи нет, – сказал Ярнебринг. – Он не убивал Жасмин. Конечно, не пропустил ни одной юбки. Любил распускать руки, но педофилом точно не был. Не больше, чем ты и я. Ему уже исполнилось тридцать четыре года, когда убили его дочь, он родился в пятьдесят первом, если я не ошибаюсь. Девице, составлявшей ему компанию в шхерах, было только девятнадцать, но ребенком ее точно не назовешь. Молодая красивая блондинка. Ни ты, ни я не отказались бы от подобного предложения с ее стороны.

– Когда ты выяснил это? – спросил Юханссон.

– Как только встретился с ним, – сказал Ярнебринг. – Он сидел в кутузке и, главным образом, бросался на стены. Через несколько дней я поднялся в изолятор и сам допросил его. И по большому счету сразу понял, что это не он. Парень просто сходил с ума от горя из-за случившегося с его дочерью.

– Ты был абсолютно уверен?

– Не тот тип, скажем так. С какой стороны ни посмотри. Мне удалось, по крайней мере, наладить хоть какой-то контакт с ним. Во всяком случае, он мне рассказал, что есть человек, способный создать ему алиби. Его знакомая женщина, с которой он вместе работал. Имя он не захотел мне назвать. И тогда я объяснился с ним напрямую. Сказал, что расследование зайдет в тупик, если он не образумится. Что мы будем топтаться на месте, пока не сможем разобраться с ним. И, если он невиновен, как утверждает, ему следовало задуматься над этим. Тогда я наконец узнал ее имя. Конечно, все, как ты сказал. В тот момент вдобавок стали потоком появляться другие доказательства его алиби. Люди, разговаривавшие с ним по телефону, видевшие его и девушку в хибаре, которую они снимали. Все как обычно.

– Что произошло потом?

– Я переговорил с прокурором и Бекстрёмом. У прокурора в ту пору уже появились сомнения, его, кроме того, беспокоили переговоры об аресте, так как мало что свидетельствовало против папаша. Бекстрём же остался верным себе. По его словам, каждый думающий человек понимал, что преступление совершил отец. А внезапно появившиеся свидетели просто лгали с целью защитить его. И все в таком роде.

– В тот самый день, когда отца должны были арестовать, мы получили ответ от экспертов. На теле Жасмин и ее одежде удалось найти сперму. Группа крови преступника не соответствовала отцовской. О тесте на ДНК и речи не шло в те времена, но группы крови хватило за глаза.

– Потом прокурор сдался, и папашу отпустили, – заключил Юханссон.

– Точно, – подтвердил Ярнебринг. – Ты явно имел дело с подобным раньше. Не сдавался только Бекстрём. Если не отец изнасиловал свою дочь, значит, кто-то из его друзей смог позависать с ней. Во всей этой чехарде прошло более четырнадцати дней после ее исчезновения, прежде чем мы сумели навести хоть какой-то порядок в нашей работе. Опять же, продолжался период отпусков и жутко не хватало людей. Нас было в три раза меньше, чем при обычных обстоятельствах. Чем требовалось, чтобы хоть как-то двигаться вперед. Совершенно независимо от чокнутого жирного коротышки, на чью долю выпало руководить и распределять задания.

– Бекстрём продолжал стоять на своем?

– Естественно. Всем, кто мог его слушать, он рассказывал, что, по имевшимся у него данным, в преступлении принимали участие по крайней мере два человека. Отец плюс его неизвестный товарищ. И немало журналистов купилось на рассказе Бекстрёма. В отличие от того или иного ответственного издателя. Это также стало дополнительной причиной того, почему в средствах массовой информации не так много говорилось об убийстве Жасмин. Речь ведь шла о семье иммигрантов. Заявления против отца, написанные матерью. «Убийстве чести» и насилии в отношении женщин, и кровосмешении, и еще черт знает о чем. В результате получилась ужасно щекотливая история.

– Могу представить себе, – сказал Юханссон. – Куча дерьма, не имевшая никакого отношения к делу и только увеличивавшая хаос.

– Само собой, – подтвердил Ярнебринг. – Но говорить об этом с Бекстрёмом было пустой тратой времени. Он слушать никого не хотел.

– А чего ты ожидал, – проворчал Юханссон.

– В общем, из всего этого получился дьявольский компот. Ярнебринг вздохнул и покачал головой:

– Расследование убийства малышки Жасмин – грустная история. По-настоящему грустная.

Юханссон довольствовался лишь кивком. Он сидел молча так долго, что Ярнебринг уже начал беспокоиться за него и склонился на друга, проверяя, не спит ли тот. Или, еще хуже, не образовался ли у него новый тромб в голове. Ничего подобного. Судя по всему, тот просто думал. Сидел, погруженный в свои мысли.

– Расскажи-ка поподробнее, – попросил Юханссон неожиданно. – Я хочу больше услышать о начальной стадии. Узнать все возможное о самой девчушке и ее семье. У нас еще полно времени, – добавил он и кивнул в направлении часов, висевших над дверью палаты.

– А ты уверен, что выдержишь? – спросил Ярнебринг. «Начинаю узнавать тебя, – пришло ему на ум. – Хотя ты дьявольски выглядишь, особенно твое лицо».

– Со мной все просто замечательно, – сказал Юханссон. «Пусть я чувствую себя как выжатый лимон», – подумал он.

– О'кей тогда, – сказал Ярнебринг. – Но ты должен дать мне бумагу и ручку и пять минут, чтобы я собрался с мыслями.

– Обратись к медсестре, – предложил Юханссон. – А я пока съем один из твоих бананов.

«Они, по крайней мере, такой же формы, как феноменальные польские братвурст Гюнтера, – подумал он. – Хотя, к сожалению, больше ничего похожего».

14

Вторая половина среды 14 июля 2010 года

– Ты спишь? – спрашивает Ярнебринг.

– Нет, – отвечает Юханссон и вытягивается в своей кровати.

– Тогда, – продолжает Ярнебринг, – поехали. Я собираюсь начать с погоды в тот день, когда девочка исчезла.

– Я слушаю, – говорит Юханссон.

– Отличный летний шведский денек, безоблачное небо, по большому счету ни ветерка. Между двадцатью и тридцатью градусами. Такая погода держалась всю неделю, и я сам сидел на работе, обливаясь потом. А куда деваться?

– Малышке Жасмин, по крайней мере, повезло с погодой, – констатирует Юханссон. Поскольку там, где в его груди обычно находится сердце, вдруг оказывается только черная дыра, он уж точно не расплчется сейчас. Внезапно его охватывает такая жгучая ненависть, которая исключает появление любви, скорби и обычного человеческого сострадания.

Ярнебринг смотрит на него, не скрывая удивления.

– Как ты, Ларс? Может, нам все-таки подождать с этим?

– Не-ет. Я слушаю. Расскажи мне, что произошло в тот день, когда она исчезла. По твоим словам, это была пятница.

– Пятница 14 июня 1985 года, – подтверждает Ярнебринг.

– Пятница 14 июня восемьдесят пятого, – повторяет Юханссон. Отличный шведский летний денек и ненависть, которую он испытывает, льют воду на одну мельницу.

«Вспомни, что ты больше не можешь видеть сквозь стены», – думает он.

15

Пятница 14 июня 1985 года

Двадцать пять лет назад Йозеф Эрмеган, последний раз разговаривая со своей девятилетней дочерью Жасмин, солгал ей.

Это было около шести вечера, когда он оставил девочку перед подъездом дома на Ханнебергсгатан в Сольне, где жила ее мать. Он поцеловал Жасмин в щеки и лоб, взял с нее обещание не ссориться с мамой и в свою очередь пообещал позвонить ей, как только у него будет время, но это могло произойти лишь через несколько дней, поскольку у него хватало работы. Потом он уехал в шхеры, в дом, позаимствованный у сослуживца, с молодой женщиной, с которой у него как раз завязалась интрижка. Совсем другой, чем та, с кем он делил кров и кровать в течение пары лет. Чем женщина, которую Жасмин уже порой называла «мамой», когда уставала и хотела спать или когда попросту забывалась.

Он рассказывает это Ярнебрингу более недели спустя в полиции Сольны, задержанный по подозрению в убийстве собственной дочери. И безудержно плачет о погибшем ребенке. Ярнебринг не знает, как ему вести себя. Он хлопает отца по плечу и говорит, что верит ему. Йозеф хватается его за руку, сжимает ее своими ручищами, прижимает к лицу. Ярнебринг «честно говоря, немного смущается», хотя уже привык к подобному. Он высвобождает руку, как можно осторожнее, наклоняется через стол и берет Йозефа Эрмегана за плечи. Сжимает их сильно, стараясь заставить его слушать. Йозеф ноет, стонет, скулит, как раненый зверь, зажимает костяшками пальцев глаза, роняет голову на стол, за которым сидит. Ярнебринг хлопает его по спине, просит взять себя в руки, ведь ему надо помочь полиции найти человека, убившего его дочь. Йозеф выпрямляется, убирает руки от лица.

– Я обещаю, – говорит он. – Я обещаю успокоиться. Клянусь помочь тебе. Клянусь головой дочери.

Если бы Жасмин удалось сдержать слово, данное отцу, никогда не произошло бы того, что с ней случилось. Однако она и ее мать Мариам тридцати двух лет начали ругаться еще до того, как сели за ужин. Жасмин достала банку кока-колы из своего рюкзака, расположилась за столом на кухне и стала читать газету, которую тоже принесла с собой. Мать сразу же принялась воспитывать ее, сказала, что она не должна пить кока-колу, поскольку это вредно для зубов, и что она, стоматологическая медсестра, знает это гораздо лучше, чем отец Жасмин. Она попыталась забрать у дочери банку, Жасмин дернулась и облила себе блузку. Они принялись кричать друг на друга, девочка схватила свой рюкзачок, где лежали все ее вещи, бросилась в ванную и заперлась там.

Тогда мать решила сделать вид, будто ничего не произошло. Сначала она приготовила им ужин и, постучав в дверь ванной, пригласила дочь к столу. Жасмин вышла, облитую белую блузку она поменяла на розовую футболку и голубые джинсы, села за стол и стала есть, не проронив ни слова. Мать тоже хранила молчание. Потом ожил телефон, и она вышла в гостиную с целью ответить. Звонил ее товарищ по работе. Мариам объяснила, что они с дочерью ужинают, и обещала перезвонить позднее, и в то самое мгновение, когда она закончила разговор, до нее долетел звук закрывающейся входной двери. За несколько минут до семи часов, вечером в пятницу 14 июня тысяча 1985 года. Так что, если бы Мариам не стала ругаться со своей дочерью, никогда не произошло бы то, что случилось с девочкой.

Сначала она бросилась в ванную, хотя, когда ее позднее спросили, так и не смогла объяснить, почему это сделала. На полу перед раковиной лежали ключи Жасмин. На красивом плетеном кожаном ремешке, который она обычно носила на шее, были ключи как от квартиры

ее матери, так и от дома, где жил отец. Она, очевидно, сняла его, переодеваясь, меняя грязную белую блузку на розовую футболку. И забыла надеть снова, когда мать позвала ее за стол.

Потом Мариам выбежала на балкон, чтобы окликнуть дочь. Но улица была пуста. Никаких детей. Только несколько взрослых прошли мимо, они удивленно посмотрели на женщину, стоявшую на балконе и звавшую Жасмин.

Мариам обулась, спустилась по лестнице и, выбегая из подъезда, встретила соседа, жившего в том же доме и работавшего в полиции. Он был значительно старше ее, но по взглядам, которые бросал при встрече, она понимала, что нравится ему. Возможно, он был даже влюблен в нее и в мечтах видел их вместе. И, похоже, его не смущало, что он швед, блондин и полицейский, и гораздо старше Мариам, вдобавок беженки из Ирана, только недавно ставшей шведской гражданкой.

– Какой сюрприз, – сказал инспектор Петер Сундман и широко улыбнулся женщине, влетевшей прямо ему в объятия.

– Извини, Петер, – сказала Мариам, увидев, кто перед ней. – Я ищу Жасмин, мою дочь. Она убежала из дома.

– И это случилось совсем недавно, – констатировал Петер Сундман. – Я встретил ее пару минут назад, она шла к станции метро. И выглядела как человек, поругавшийся со своей матерью. Я помахал ей, но она вряд ли меня заметила. Если тебя интересует мое мнение, она направлялась к своему отцу, чтобы рассказать, насколько глупа ее мать, и получить немного сочувствия.

Петер Сундман знал, как складывались отношения Мариам с бывшим мужем. Она сама рассказывала ему, он слышал об этом от других. И если бы эта молодая красивая женщина, к тому же умная и образованная, захотела найти нового и лучшего спутника жизни, он был готов ждать.

– Она убежала без своих ключей, – сказала Мариам.

– Если отец дома, он наверняка впустит ее, – попытался утешить соседку Петер Сундман и ободряюще похлопал по руке. – По крайней мере, чтобы воспользоваться шансом позлословить в твой адрес.

– А вдруг он на работе, – предположила Мариам.

– Тогда она позвонит ему туда. Мне даже кажется, сначала позвонит тебе и скажет, что уже остыла и хочет попросить у тебя прощения за свой глупый поступок. Не выпить ли нам кофе, кстати?

– Давай поднимемся ко мне, – сказала Мариам. – Тогда я смогу ответить, если она позвонит. Когда она позвонит, я имею в виду.

Так что, если бы Жасмин не убежала без своих ключей, ничего плохого с ней не случилось бы.

* * *

Но Жасмин так и не позвонила. Через пару часов и после нескольких чашек кофе ее мать и Петер сами стали звонить. Сначала Петер домой к ее бывшему мужу (сама она отказалась это сделать), а потом к нему на работу. Затем Мариам обзвонила нескольких его сослуживцев и связалась с лучшей подругой Жасмин. Но кто-то не ответил, а кто-то не знал, где находится Йозеф. Возможно, он пошел куда-то перекусить, несмотря на поздний час. Или катался между домом и лабораторией, как ему часто приходилось делать, ведь на нем были подопытные животные, за которыми следовало постоянно наблюдать.

Если бы Мариам не принялась ругаться на дочь, если бы ее муж не дал Жасмин банку кока-колы, прекрасно зная, что она не должна пить подобное, если бы девочка не убежала без своих ключей... Если бы не, если бы не, если бы не...

В течение следующих месяцев Мариам и ее бывший муж найдут сотни объяснений тому, почему произошедшее не должно было случиться, чтобы мучить самих себя и друг друга.

Перед полуночью Петер Сундман позвонил коллеге из полиции Сольны, дежурившему по участку с семи часов вечера. Тот переключил разговор на коллегу из криминального отдела Сольны, которому выпало дежурить в ту ночь, и когда Петер Сундман услышал, кто ответил ему, он простонал про себя.

– Бекстрём слушает. О чем речь?

16

Суббота 15 июня 1985 года

Бекстрём и Сундман почти сразу же поругались. У Бекстрёма хватало более важных дел, «чем соплячка, поссорившаяся со своей матерью и убежавшая домой к папочке». Сундману следовало бы это понять. Сундман закончил разговор и снова позвонил дежурному. Заставил его отправить патрульную машину на виллу, где жил отец пропавшей девочки. Это произошло сразу после полуночи, но дом оказался запертым, свет внутри не горел, никакого автомобиля на парковочной площадке, почтовый ящик пуст. Потом они сделали круг по окрестностям, но везде было темно и тихо, и вся близлежащая территория казалась необитаемой.

На обратном пути патруль остановился около Каролинского института, где работал отец девочки. Конечно, в нескольких окнах горел свет, но когда они позвонили в домофон на двери, никто не ответил. Они также не увидели никого, похожего на Жасмин, когда на всякий случай немного покатались около больницы.

Перед тем как сдать смену утром, они повторили ту же процедуру в обратном порядке. С тем же результатом, как и раньше. Никто не ответил в Каролинском институте. Дом, где жил отец девочки, выглядел точно так же, как и в предыдущий раз. Парковочная площадка пуста, почтовый ящик пуст, никакой утренней прессы, хотя разносчик газет встретился им на пути оттуда. Когда они заговорили с ним, он заглянул в свой список. Доставка в интересовавшую их виллу была отменена с понедельника на той же неделе и на четырнадцать дней вперед. Относительно остального он не сделал никаких интересных сообщений.

– Большинство здешних обитателей уже разъехались по своим летним домикам, – объяснил парень.

В то время как его молодые коллеги катались туда и назад, ответственный дежурный названивал на работу отцу и к нему домой. По его собственным словам, по крайней мере трижды за ночь с интервалами в пару часов. Никто не ответил. Чем занимался Бекстрём, неясно. Он не ответил, когда дежурный позвонил ему около трех утра. Все это дежурный сам рассказал Ярнебрингу, разговаривая с ним неделю спустя.

– Главным образом с целью позлить жирного коротышку. В отношении этого человека у нас с Сундманом единое мнение. Будь у меня возможность выбирать, я предпочел бы кого угодно, только не его.

Утром в субботу Петер Сундман поговорил со своим шефом, а тот в свою очередь с шефом Бекстрёма, и попросил заставить Бекстрёма принять формальное заявление о пропаже человека, Жасмин Эрмеган девяти лет. Хотя, по сути, он был полностью согласен с Бекстрёмом. «Добровольное исчезновение. Нет никаких причин подозревать преступление».

Вне всякого сомнения, через несколько дней девочка и ее отец должны были появиться целыми и невредимыми, а потом начались бы новые разборки между ним и матерью девочки. В привычной манере, с заявлениями и контробвинениями, которые обрушились бы лавиной. Так ведь происходило всегда, когда маленькие дети с подобной предысторией и нетерпимыми друг к другу родителями сбегали из дома. Это знали по большому счету все опытные полицейские.

Но в этот раз все сложилось по-другому.

17

Вторая половина среды 14 июля 2010 года

– По большому счету ничего не происходило в течение всей первой недели. Пока ее не нашли в канун Янова дня – вечером 21 июня, – сообщил Ярнебринг и бросил взгляд в свои бумаги.

– Я слушаю, – сказал Юханссон.

– Все получилось как обычно, – продолжал Ярнебринг. – Собачник, отправившийся на вечернюю прогулку со своей псиной. Интересно, как много людей сделали такие находки за все годы?

– Угу, – проворчал Юханссон. – Разве плохо иметь собаку? Собаки – это хорошо.

Ярнебринг осторожно скосился на него.

«Что-то определенно случилось с Ларсом Мартином, – подумал он. – Хотя какое это может иметь отношение к делу?»

– Так вот, – снова заговорил Ярнебринг, – он снимал летний домик около Скоклостерского замка, и, когда прогуливался по берегу, его питомец неожиданно бросился в сторону, прямо в заросли тростника, а потом принялся лаять как сумасшедший. Бедная девочка лежала, упакованная в черные полиэтиленовые мешки, а собака стояла там и рвала их, а потом ее хозяин увидел содержимое. И естественно, поднял тревогу. Взял псину на поводок, помчался домой и набрал 90-000. Тогда ведь работал этот номер. Он рассказал, что нашел труп, упакованный в пластиковый пакет. У него был королевский пудель, кстати, – добавил Ярнебринг. – Пса звали Боссе, насколько я помню. Почему, черт побери, собак так называют?

– Тебя же зовут Бу, – буркнул Юханссон.

– Угу. – Ярнебринг ухмыльнулся. – Сейчас я снова начинаю узнавать тебя, Ларс. Приятно слышать, что ты еще не так плох.

– Она лежала в тростнике, – вернулся к теме их разговора Юханссон. – Но не была похоронена?

– Нет, – подтвердил Ярнебринг. – Он забросил ее на несколько метров от берега, где тростник наиболее густой, а потом вдавил в ил. Там же болотина, сверху всякая растительность, под ней она и лежала. И если бы не собака, тело еще долго могли не найти.

– И куда девочка направилась тогда? – спросил Юханссон. – Я имею в виду, когда сбежала от матери?

– Перехожу к этому, перехожу к этому, – пробормотал Ярнебринг, водя указательным пальцем по своим записям.

18

Пятница 14 июня 1985 года

За несколько минут до семи в пятницу вечером Жасмин удрала от своей матери. Выйдя из подъезда, она, скорее всего, повернула направо и прошла или пробежала не более пятидесяти метров вниз по улице до первого перекрестка с Шюттехольмсвеген. Там она снова повернула направо и, пройдя не более ста метров, спустилась в метро. В двадцати метрах от входа на станцию девочку видел первый свидетель, инспектор полиции Петер Сундман.

Они прошли на расстоянии десяти метров друг от друга. Он поприветствовал Жасмин, но она, похоже, его не заметила. Прошла решительной походкой к входу в подземку и исчезла за вращающимися дверями. Спина прямая, нос гордо задран, куртку она завязала на поясе, рюкзачок держала в руке, и весь ее вид свидетельствовал о сильной обиде и спешке.

«Она снова поругалась с матерью», – подумал Сундман и в какое-то мгновение даже собирался догнать ее и, по крайней мере, поговорить с ней. Однако просто покачал головой, улыбнулся самому себе, и всего несколько минут спустя, когда входил в подъезд, взволнованная мать девочки выбежала ему прямо в объятия.

Еще долго потом, не один месяц и год, он размышлял над всем этим.

«Если бы я все-таки попытался поговорить с ней», – обычно думал он, и единственным утешением служило лишь то, что он оказался гораздо лучшим свидетелем, чем любые другие, которые обычно возникали в подобной связи, и сделал все возможное со своей стороны, стараясь помочь коллегам найти убийцу.

Полиция, то есть Бу Ярнебринг и пять его коллег из отдела сыска Стокгольма, нашли еще четырех свидетелей, видевших Жасмин. И все они оказались вполне полезными в такой роли. По крайней мере трое из них были гораздо лучше среднего уровня. Слабое утешение при мысли о том, что потом произошло.

Вторым свидетелем стал охранник у ограждения на станции метро «Сольна Центрум». Он так же, как Жасмин, был родом из Ирана. Видел девочку много раз, обратил внимание на внешность и даже спросил однажды, не из Ирана ли она, на фарси. Но Жасмин не ответила, только покачала головой и, продолжив свой путь, исчезла внизу.

Ярнебринг, естественно, тщательно проверил его, кстати, так же как и Сундмана, и алиби охранника оказалось даже надежнее, чем у инспектора полиции. Он просидел в своей будке, пока станцию не закрыли на ночь, и многие смогли это подтвердить. Плюс все электронные и прочие следы, которые он постоянно оставлял после себя, выполняя свою работу.

* * *

Жасмин доехала на метро от станции «Сольна Центрум» до площади Фридхемсплан, перешла на другую линию и добралась до Алвика. Там она запрыгнула в трамвай, идущий до Нокебю, и встретила со свидетелями номер три и четыре.

В качестве первого из них выступил водитель того самого трамвая. Он уже закрыл двери и собирался отъехать от остановки, когда подбежала Жасмин. Вагоновожатый был иммигрантом из Турции, перебрался в Швецию в шестидесятые и катался по одному и тому же маршруту в течение почти десяти лет. Он узнал Жасмин, поскольку она уже пару лет ездила с ним до школы. В вагоне находился также свидетель номер четыре. Пенсионерка семидесяти пяти лет, жившая в одном районе с девочкой и тоже узнавшая ее.

Вагоновожатый даже сказал ей:

– Тебе просто повезло, что ты успела.

И Жасмин поблагодарила его.

Пенсионерка же поздоровалась с ней.

– Привет, малышка, – сказала она. – Надеюсь, у тебя все хорошо.

А Жасмин улыбнулась ей в ответ, вежливо поклонилась и поприветствовала пожилую даму.

– Спасибо, у меня все отлично.

Никто из этих двух свидетелей не заметил ничего, указывавшего на обратное.

Жасмин доехала до своей остановки, как обычно. Вся поездка в полкилометра заняла минуту. Девочка вежливо попрощалась и вышла. Прошла пешком последний отрезок пути до дома. Менее пятисот метров.

Она преодолела уже полпути, когда попала на глаза пятому, и последнему, свидетелю. Он жил на вилле на Эппельвиксгатан всего в нескольких сотнях метров от дома на Майблом-местиген, где Жасмин обитала со своим отцом и его новой женщиной. Свидетель направлялся к жене и детям в деревню, чтобы «погулять на праздники». Он увидел девочку, выезжая со своей парковочной площадки, она шла в сторону своего дома, и ей осталось преодолеть какую-то сотню метров. Он также узнал Жасмин. Его младший сын ходил с ней в одну школу.

Сам он поехал дальше в другом направлении. Спешил к тому же. Опаздывал на пару часов. Жена уже звонила и бранила его. Поэтому он смотрел на часы по большому счету постоянно. Когда увидел Жасмин, часы показывали «примерно без четверти восемь». Он обратил внимание на девочку по той простой причине, что она шла одна, а у них в районе обокрали несколько вилл в то лето. Позже при мысли о случившемся он практически каждый день «проклинал» себя, поскольку не поехал за ней и не проследил, «чтобы она, по крайней мере, нормально добралась до дома».

Жасмин, таким образом, ушла от матери почти в семь. Спустилась в метро на станции «Сольна Центрум» несколько минут спустя. Скорее всего, села в поезд, идущий до площади Фридхемсплан десять минут восьмого. Пересела на новый от площади Фридхемсплан в семь тридцать пять. Вышла в Алвике шесть минут спустя. Запрыгнула в трамвай, идущий до Нокебю, который согласно расписанию отправлялся без пятнадцати восемь. Вышла на следующей остановке всего через минуту. И продолжила путь пешком. Идти ей оставалось всего несколько минут. Последний, кто видел Жасмин живой, заметил девочку где-то в сотне метров от ее дома. Часы показывали без четверти восемь.

19

Вторая половина среды 14 июля 2010 года

– Нам удалось по большому счету проследить ее путь от начала до цели, – подвел итог Ярнебринг. – Минус последний отрезок вверх по улице, где жила девочка. Она называется Майбломместиген. Это, кстати, маленькая поперечная улочка к Эппельвиксгатан. Я и мои парни остались довольными собой.

– Подожди, подожди, – перебил его Юханссон. – Последний свидетель. Что это был за фрукт?

– Интересная личность, – сказал Ярнебринг и улыбнулся. – Приятно видеть тебя в прежней форме, Ларс. Котелок-то у тебя еще варит.

– Последний свидетель... – повторил Юханссон. – Я по-прежнему внимательно тебя слушаю.

Последнему свидетелю было сорок два года. Женился пятнадцать лет назад. Он и его жена-учительница имели троих детей, семнадцати, пятнадцати и десяти лет. Он работал оценщиком в страховой фирме, и дом, где проживала их семья, они с супругой купили десять лет назад. Никаких замечаний по платежам, не судим, никогда не подвергался наказанию даже за превышение скорости.

– И?... – сказал Юханссон и подозрительно уставился на своего лучшего друга.

– Его главным увлечением в свободное время было плавание. В молодости он принадлежал к шведской элите, а когда оставил большой спорт, продолжил свою деятельность в качестве детского тренера и функционера. Выполнял целый ряд обязанностей и в федерации, и в клубе, к которому принадлежал. Много занимался со спонсорами.

– Детский тренер, – повторил Юханссон. – И кого он тренировал?

– Да, это как раз самое интересное. На тот момент под его опекой в клубе были девочки, от семи до десяти лет. Примерно такие, как Жасмин.

– Подумать только, – проворчал Юханссон. – Где-то я слышал подобное раньше.

– У меня возникли такие же мысли, – поддержал его Ярнебринг. – Особенно когда поговорил с его женой, которая утверждала, что не знает, в котором часу он появился в их летнем домике около Трусы. А туда приблизительно час езды на машине. Она, по ее словам, заснула около девяти вечера. У нее якобы ужасно разболелась голова, она выпила две таблетки, легла в кровать и как в бездну провалилась. А их дети к тому моменту уже разъехались по друзьям, у которых они собирались ночевать. Она проснулась только утром, и ее муж лежал рядом с ней под одеялом. Но если хочешь знать мое мнение, вероятно, она принимала и кое-что другое. По словам их соседей, она, по-видимому, довольно сильно квасила. И я склонен с ними согласиться. Я же встречался с ней. Допрашивал ее снова, когда всплыли всякие нестыковки. Она явно перешагнула разумный предел в потреблении алкоголя.

– У него отсутствовало алиби, – констатировал Юханссон.

– Нет, – возразил Ярнебринг. – Совсем наоборот. Ему просто невероятно повезло.

– Рассказывай.

– Двадцать минут девятого его остановили за превышение скорости на автострате в десяти километрах к югу от Сёдертелье. Примерно через полчаса после того, как он отъехал от своей виллы в Эппельвикене.

– Мне кажется, ты сказал, что за ним не числилось подобных нарушений.

– Так и есть. Коллеги, задержавшие его – я разговаривал с ними тоже, – не стали его наказывать.

– И почему, боже правый?

– Один из них был старым пловцом, – пояснил Ярнебринг и усмехнулся. – Понадобилось время, прежде чем это выяснилось.

– Он же мог положить ребенка в багажник, – предположил Юханссон. – Жасмин, я имею в виду. Не столь вероятно, пожалуй, но, если верить жене, он ведь мог отсутствовать всю ночь.

– Он в рубашке родился, – сказал Ярнебринг. – Когда появился у себя дома в деревне полчаса спустя, его ближайший сосед заехал в канаву. Дом тренера находился, кстати, в ста километрах к югу от Стокгольма, то есть расстояние вполне соответствует этому времени.

– Можно себе представить, – хмыкнул Юханссон. – Въехал в канаву. В деревне в обычный пятничный вечер.

– Да, конечно, и, по его словам, был трезвый как стеклышко, – сказал Ярнебринг и ухмыльнулся. – Мы ведь пообщались и с ним тоже.

– В общем, чтобы не утомлять тебя подробностями, дело обстояло так, – продолжил он. – Сначала наш тренер помогает соседу вытащить автомобиль из канавы. Потом он едет к себе домой. Жена спит. Одна в доме. Тогда он возвращается к соседу, который заехал в канаву. Сидит там полночи и пьет вместе с полудюжиной родственных душ, тоже соседей, прежде чем, покачиваясь, возвращается домой и засыпает. Я принял его алиби. А как бы ты поступил на моем месте?

– Принял бы его алиби, – кивнул Юханссон. – Что произошло потом? С расследованием, я имею в виду.

– Все как обычно. Мы покопались в прошлом Жасмин и ее семьи. Проверили всех, кто находился поблизости к ней. Родственников, друзей, знакомых, соседей, товарищей по школе, подружек и их старших братьев и сестер. Опросили живущих по соседству, разносчиков газет, почтальонов, электриков, водопроводчиков и прочих работяг, и всех других, кто просто находился в кабаках поблизости. Проверили поездки такси в тот район и из него в те часы, когда девочка исчезла. Прошлись по придуркам, помешанным на сексуальной почве. Отследили все другие преступления, которые случились тогда и могли иметь хоть какое-то отношение к Жасмин. Обратились к общественности. Я и мои парни, а также пара коллег женского пола в нашей компании сделали все необходимое и возможное. Точно по учебнику. И по большому счету результат получился нулевой. Мы так и не нашли место преступления, но при мысли о состоянии, в котором находилось тело Жасмин и ее одежда, все, скорее всего, произошло в помещении. Но нас было слишком мало. И мы слишком поздно взялись за дело.

– На ней была одежда?

– Нет, – ответил Ярнебринг и покачал головой. – Тело было нагое, абсолютно нагое. Никакой одежды, украшений, ничего. Их он выбросил в те же кусты. Примерно в сотне метров от тела. Один из наших кинологов обнаружил все эти вещи на следующий день, в субботу 22 июня. Когда прочесывали район вокруг места находки. Ее одежда, обувь, рюкзак, часы, колечки, которые были на ней, две штуки, если я правильно помню, лежали засунутые в пару полиэтиленовых мешков, подобных тем, какие использовались для упаковки тела. Они даже принадлежали одному рулону из десяти таких, какой можно купить в любой хозяйственной лавке. Пакеты с одеждой он просто связал вместе, обычным бабским узлом, если тебе интересно.

– Одному рулону... – повторил Юханссон. – Откуда ты это знаешь?

– Коллега из технического отдела додумался. Смышленный до невероятности. Тело Жасмин и ее одежда были упакованы всего в шесть мешков. Пять первых и последний из рулона. Четыре промежуточных отсутствовали. Их он, вероятно, использовал для чего-то иного, когда прибирал за собой. Неясно, для чего конкретно, поскольку мы так их и не нашли.

– Окровавленная простыня и все такое, – предположил Юханссон. – А Бекстрём? Чем занимался он?

– Чем и обычно, – сообщил Ярнебринг. – Главным образом сидел и разглагольствовал об отце Жасмин. Тот не давал ему покоя.

– Интересно, каким образом такой, как Бекстрём, смог стать полицейским, – проворчал Юханссон, чьи мысли неожиданно потекли в другом направлении.

– Его отец был полицейским, – напомнил Ярнебринг и усмехнулся. – Скорее всего, не меньшим подарком, чем сынуля. Дядя служил в полиции. Его кузен тоже полицейский, из бывшего мотопатруля, полный идиот и, представь себе, председатель полицейского профсоюза. Поэтому здесь нет ничего странного. Таких много среди нашего брата. Бекстрём, по крайней мере, хотя бы не настрогал кучу детей, которые стали бы полицейскими.

– То есть расследование закончилось ничем, – констатировал Юханссон.

– Все пошло наперекосяк с самого начала, – сказал Ярнебринг. – Когда нас подключили, было уже слишком поздно, как я говорил. Мы не нашли ничего ценного. Ни одной стоящей зацепки. И в любом случае пахали всю осень, пока кто-то из наших шефов не решил спустить дело на тормозах. Это произошло сразу после новогодних праздников, кстати. Меня убрали еще до начала июля. Потом убили премьер-министра, и тогда фактически поставили крест на поисках убийцы Жасмин. Все сотрудники отдела насильственных преступлений и сыска работали по делу Пальме.

– Я знаю. – Юханссон кивнул.

«Лучше, чем многие, лучше, чем ты, мой друг», – подумал он.

– Можно представить себе, – заметил Ярнебринг и улыбнулся.

– Какие-то вопросы, наверное, ведь все равно остались, – предположил Юханссон.

– Если мне память не изменяет, таких хватало, – сказал Ярнебринг. – И тот, который я запомнил лучше всего, касался автомобиля, замеченного поблизости от дома, где она находилась в тот вечер. Этот был красный «гольф» новой модели. Ухоженный, явно не пацан на нем гонял. Обычный сигнал о машине, из тех, какие есть почти в каждом расследовании убийства.

– Рассказывай, – скомандовал Юханссон.

– Мы так никуда с ним и не продвинулись тоже, – сказал Ярнебринг.

– Рассказывай, – повторил Юханссон. – Все равно рассказывай.

20

Вторая половина среды 14 июля 2010 года

Согласно сообщению одного пожилого свидетеля, жившего в том же районе, на Майблом-местиген, где и Жасмин, он видел припаркованный красный «фольксваген-гольф». Тот стоял всего через несколько домов вниз по улице и прямо перед перекрестком с Эппельвиксгатан.

Как и многие похожие свидетели до него, в тот вечер, когда исчезла Жасмин, он прогуливался со своей собакой, и машина попала ему на глаза «где-то между девятью и десятью вечера».

Потом все покатилось обычным порядком. Сначала установили, что автомобиль не принадлежит никому, живущему на той улице. На примыкающих улицах или где-то поблизости. Или кому-то, каким-либо образом связанному с данным районом. Ничего подобного, и само по себе это сразу же стало более интересным. Всех, кто владел «гольфом» и жил по соседству или имел какое-то отношение к близлежащей территории, удалось отсеять, хотя нашлось много таких автомобилей, и даже два из них были красного цвета.

В качестве следующего шага из автомобильного регистра выудили все красные «гольфы», находящиеся в Стокгольмском регионе и зарегистрированные на частных владельцев, предприятия, лизинговые фирмы и фирмы по прокату автомобилей, и хотя брали во внимание только машины последних моделей, их нашлось несколько сотен.

В то время как эта работа продолжалась, их свидетеля, как и многих других до него, стали одолевать разные сомнения. Сначала относительно дня, потом модели автомобиля, ведь особым знатоком машин он не являлся, и, наконец, даже цвета.

На тот момент у Ярнебринга и его коллег уже имелась заполненная доверху картонная коробка с выписками из авто-регистра, стоявшая в ожидании, когда у кого-то из них найдется время пройтись по всем бумагам, лежавшим там. Из-за прочей рутины все, однако, получилось так, как слишком часто случалось. Начали проверять владельцев, живших между Сольной и Броммой, тех, кто, пожалуй, мог познакомиться с Жасмин на пути между мамой и папой, а также тех, кто уже числился в регистре преступлений за прежние «подвиги». Особенно за деяния, подобные тому, что случилось с Жасмин.

Но не удалось найти ничего интересного, и даже ту толику, которая вначале внушала хоть какой-то оптимизм, в конце концов пришлось отсеять. И зайдя так далеко, работу прервали или, по крайней мере, отложили на время.

– Жаль, я не подсунил этот автомобиль в расследование убийства Пальме полгода спустя, – сказал Ярнебринг. – Тогда на один вопрос стало бы меньше.

«Напрасно ты так считаешь», – подумал Юханссон, ему ведь было лучше известно, но он ничего не сказал, поскольку в то самое мгновение ему пришла в голову мысль. Абсолютно естественная в такой связи.

– Мне надо выбраться на место, – сказал он. – Увидеть дом, где Жасмин жила, проверить ее маршрут. Иными словами, приложить ухо к рельсам.

– На место? – переспросил Ярнебринг и подумал мрачно: «Ну вот, его понесло снова».

– Почему бы нет?

– В казенной белой рубаше и больничных домашних тапочках. – Ярнебринг кивнул в направлении лежавшего на кровати Юханссона.

– Конечно, так не годится, – согласился Юханссон. – Поэтому, когда ты придешь сюда завтра, хорошо бы тебе принести с собой какую-нибудь одежду. Не надо ничего сверхъестественного. Хватит удобных штанов и рубашки. И обувь тоже. Как же без нее.

– Вот как, – проворчал Ярнебринг, стараясь использовать более оптимистичный тон, в отличие от своих ощущений.

– Благодарю дьявола за это, – сказал Юханссон. – Похоже, ничего не случилось в данном деле за последние двадцать пять лет.

– В принципе – да, – подтвердил Ярнебринг. – Хотя кое-что все-таки произошло. Весной восемьдесят девятого, когда убили Хелен Нильссон в Сcone, старое расследование снова вытащили на свет божий. С целью посмотреть, нет ли связи между убийствами Хелен и Жасмин. Но ничто не указывало на это. Группа крови преступников отличалась, и когда потом выделили ДНК убийцы Жасмин, стало окончательно ясно, что речь идет о двух разных людях. И папки вернули на полку.

– И больше ничего не происходило?

– Обычно рутинное отслеживание и сравнение с новыми делами, появлявшимися за все годы. Этой зимой, за полгода до истечения срока давности, была мысль, что группа из криминального отдела полиции лена³ в Стокгольме, специализирующаяся на нераскрытых преступлениях, сделает последнюю попытку, но одновременно подстрелили прокурора в Худдинге, и у них хватило другой работы.

– Кто будет копаться в таком дерьме, – ухмыльнулся Юханссон. – Убийство – скоропортящийся продукт.

– Какие заговоры вы здесь затеваете? – спросила Пия, неожиданно появляясь в дверях палаты Юханссона.

³ Лен – единица административно-территориального деления в Швеции.

21

Вечер среды 14 июля 2010 года

Ярнебринг обнял Пию, которая уже стояла у кровати и осторожно гладила мужа по щеке. Потом кашлянул и сунул свои бумаги в карман.

– Ну, мне пора домой, – сказал Ярнебринг.

– Да, действительно, – буркнул Юханссон. – Береги себя, Бу. Увидимся завтра. И не забудь, что ты обещал.

– И что же он обещал на этот раз? – спросила Пия и с любопытством посмотрела на Ярнебринга.

– Никакой колбасы или шнапса, – уверил ее Ярнебринг. – Просто заглянуть мимоходом. Он становится таким, как прежде, поэтому у меня есть все причины приглядывать за ним.

Он кивнул, похлопал своего лучшего друга по плечу и удалился. На пути остановился в дверях и кивнул снова.

– Бу не похож на себя, – сказал Юханссон, когда дверь закрылась. – Мне кажется, на него это очень сильно повлияло, – объяснил он.

«Почему я так говорю? – подумал он. – Она же наверняка видела собственными глазами, что Ярнебринг не такой, как всегда».

Пия села рядом с ним на кровати. Наклонилась и осторожно провела пальцами по его щекам и лбу.

– Как ты чувствуешь себя? – спросила она.

– Хорошо.

Юханссон кивнул.

– Небольшая слабость, немного скучаю, но чувствую себя лучше, чем когда-либо.

– Я разговаривала со старшей сестрой отделения. По ее словам, ты плохо ешь. Ты должен есть. Ты же это понимаешь?

Она серьезно посмотрела на него.

– Я так и делаю, – заверил Юханссон. – Ем простоквашу, и фрукты, и овощи, и массу всего такого. Я съел два банана и яблоко. Бу принес целый пакет.

– И никакой колбасы, – сказала Пия.

– Само собой.

– О чем же тогда вы с Бу говорили? Я слышала, он здесь почти с самого обеда.

– Старые дела. Старые дела, которые я забыл. По работе и тому подобное.

– Ты действительно не хочешь поесть?

– Нет, с этим все нормально.

– Может, поспишь?

– Только если ты будешь спать рядом со мной, – сказал Юханссон.

– Если подвинешься и обещаешь не храпеть, – поставила условие Пия.

– Обещаю, – сказал Юханссон.

Он подвинулся, лег на бок. Пия пристроилась рядом с ним. Юханссон обнял ее осторожно здоровой рукой. Вскоре он заснул и спал, просто спал, без каких-либо сновидений, хотя ему и следовало видеть сны о Жасмин.

22

Утро четверга 15 июля 2010 года

Его жизнь с каждым днем становилась все более упорядоченной и приближенной к нормальной. Сначала он доковылял до туалета, справился только с помощью палки с резиновым наконечником, хотя не мог держать ее в правой руке. И ничего, что обеспокоенный санитар все время шел позади него.

Потом он принял лекарства и съел свой новый и полезный завтрак. Задремал, наверное, поскольку, подняв глаза, увидел Ульрику Стенхольм, сидевшую у его кровати. Она улыбалась ему, наклонив голову набок.

– Ты становишься все бодрее и бодрее с каждым днем, – сказала она.

– Ты нашла что-нибудь? – спросил Юханссон.

– Нашла – что?

– Источник информации. Ты обещала посмотреть в бумагах отца.

– Я знаю, – сказала она. – Нет, пока не нашла, хотя и начала искать. Он оставил больше двадцати коробок и пакетов всякой макулатуры. Вырезки из газет, дневниковые записи, наброски проповедей, которые он читал, старые календари, письма... Масса писем и открыток.

– Бумаги разложены в хронологической последовательности? – уточнил Юханссон.

– Я не задумывалась об этом, – сказала она. – Однако сейчас после твоих слов... по моему, он сохранял все подряд.

И никакого другого принципа там нет. Все лежит кое-как. Но, конечно, какой-то порядок по времени все-таки существует. У меня эта мысль возникла вчера, когда я сидела и читала письма, оставшиеся после него. Все они, на которых стояла дата, похоже, были одного года.

– Когда он вышел на пенсию?

– В восемьдесят девятом, ближе к лету. Или, точнее, в начале лета. Почему это интересует тебя?

– Попытайся покопаться в бумагах за последние два года его работы. С лета восемьдесят девятого по лето восемьдесят седьмого. Начни с восемьдесят девятого и иди назад.

– Может, тогда уж с восемьдесят пятого, – возразила Ульрика Стенхольм. – Ее же убили летом восемьдесят пятого. Тебе не кажется, что мне стоит начать с этого года?

– Делай, как я говорю, – отрезал Юханссон.

«Она же вроде доцент, должна соображать», – подумал он.

– Мне все-таки любопытно, – не сдавалась Ульрика Стенхольм. – Почему, по-твоему, я должна начать с конца.

– Это не так легко объяснить, – сказал Юханссон.

«Ты не полицейский», – подумал он.

Потом он встретился со специалистом по лечебной медицине и установил два личных рекорда. Сначала в сжатии маленького красного мячика правой рукой, потом в сгибании той же руки. Ему удалось поднять ее почти до половины, в то время как физиотерапевт стояла рядом и подбадривала его.

– Плечо, Ларс. Я знаю, ты можешь. Давай попробуй взять себя за плечо.

– Завтра должно получиться, – сказал Юханссон.

Он испытал прилив положительных эмоций. Пусть ему и не удалось похлопать себя по плечу, он все равно настолько воодушевился, что даже попробовал бифштекс «а-ля Линдстрём», который ему подали на обед, пусть без соуса и картошки. Все равно ведь должны были существовать какие-то ограничения.

И лег он очень вовремя, поскольку санитарка едва успела унести его поднос, как в палате появился Ярнебринг с тремя толстыми папками под мышкой. Но без каких-либо брюк, рубашки и даже обуви.

23

Вторая половина четверга 15 июля 2010 года

Ярнебринг сел на его кровать. Положил папки рядом с ним. – Что это, черт возьми, такое? – спросил Юханссон и кивком указал на них.

«Где мои брюки?» – подумал он.

– Ты помнишь Кьелля Херманссона, Хермана? – Ярнебринг посмотрел на Юханссона. – Молодого коллегу, работавшего в отделе насильственных преступлений, когда мы с тобой трудились в сыске?

– Не трать слов, – перебил Юханссон. – Ну, помню я Хермана.

«Какое, черт возьми, он имеет отношение к моим брюкам?»

– Хороший парень, – продолжил Ярнебринг. – Умный полицейский. Уже несколько лет сидит в криминальной полиции лена. Именно он руководит группой, которая занимается расследованием нераскрытых преступлений.

– Ага, – сказал Юханссон.

По-прежнему ни малейшего намека на его одежду.

– Заметив, насколько заинтересованным ты выглядел, я подумал, мне надо поболтать с Херманом, – продолжал Ярнебринг. – Оказалось, что все материалы расследования о Жасмин лежат у него. Сейчас по этому делу ведь истек срок давности. Оно не попало под новый закон всего из-за пары недель. Итак, я поговорил с ним, он передает привет, кстати, и попросил отобрать все, на что, как я знаю, ты захотел бы взглянуть.

– И что же?

– Исходное заявление, протокол осмотра места преступления, все экспертизы, протокол вскрытия, распечатки допросов свидетелей, матери и отца, и тех, кто видел девочку. Результаты обхода близлежащих домов – все обычное, как ты знаешь.

– Да, знаю, – кивнул Юханссон.

– Это здесь, – сообщил Ярнебринг и открыл первую папку. – Я убрал скрепки, так тебе будет легче листать. Потом еще прикрепил бумагу для заметок на каждой второй странице, если ты захочешь делать для себя пометки. Сначала идет содержание, потом исходное заявление, затем все прочее. Точно, как ты предпочитаешь.

– Очень мило с твоей стороны, Бу, – сказал Юханссон. – Весьма предусмотрительно, – добавил он и в это самое мгновение чуть не разрыдался.

К счастью, вовремя успел достать носовой платок и громко высморкался несколько раз, прежде чем немного успокоился.

– Как ты себя чувствуешь, Ларс?

Ярнебринг обеспокоенно посмотрел на него.

– Все нормально, – заверил Юханссон. – Это из-за таблеток, – солгал он. – Внезапно сопли начинают течь ручьем.

– Ты уверен? – спросил Ярнебринг.

– Да. А как дела с моей одеждой, кстати? Разве ты не обещал принести ее для меня, чтобы я смог взглянуть на место, где жила Жасмин? Изучить путь ее следования от матери к отцу. Потом я хотел бы посмотреть, где ее нашли. Около Скокlostера.

– Я разговаривал с Пией, – признался Ярнебринг. – И с медсестрой в твоём отделении. Ни одна из них, похоже, не в восторге от такой идеи.

– Но, черт побери, Бу, – проворчал Юханссон. – Какое это имеет отношение к делу? Я же совершеннолетний, не так ли? И не псих на принудительном лечении. Наверное, самое время тебе, и Пии, и всем другим начинать считать меня полноправным гражданином.

– Сам я пока считаю тебя обычным пациентом, – возразил Ярнебринг. – Если ты не продолжишь бузить, конечно, поскольку в этом случае мне придется разобраться с тобой как с обычным, беспокойным завсегдатаем дурки, а с таким поворотом событий ты не справился бы даже в те времена, когда твоя правая работала как часы.

Юханссон ничего не сказал. Не испытал также никаких особых эмоций. Разревется у него и мысли не возникло.

– Так с чего ты хочешь начать? – спросил Ярнебринг.

– Расскажи, как она умерла, – попросил Юханссон.

– У тебя все есть в этой папке, – сказал Ярнебринг и поднял еще одну. – На случай, если возникнет желание прочитать самому. Здесь все. Протокол вскрытия. Результаты химического анализа, исследования ГКЛ⁴, характеристика места находки, одежды и прочее.

Юханссон покачал головой. Он не мог перелистать такое количество бумаг, и, как только пытался читать, головная боль сразу же давала о себе знать.

– Лучше, если ты расскажешь, – сказал Юханссон. – Для начала поведай мне, как она умерла. Кто делал вскрытие, кстати?

– Шёберг, – сообщил Ярнебринг, – старый профессор. Настоящая легенда, Шёберг. Тот, кто мог вскрывать двух бедняг одновременно и при этом читать лекцию таким, как ты и я.

– Я считал, он уже вышел на пенсию к тому времени.

– Так и есть, – подтвердил Юханссон. – Но в то лето в судебной медицине творилось просто черт знает что. Помнишь патологоанатома, подозреваемого в убийстве проститутки, это случилось незадолго до того...

– Да, я помню его, – перебил друга Юханссон. – Какое он имеет отношение к делу?

– Никакого, – сказал Ярнебринг и покачал головой с целью придать больше веса своим словам. – Он уехал за границу ради каких-то исследований. Хотя у него земля точно не горела под ногами. В любом случае не осталось ни души. Поэтому появился Шёберг, чтобы навести хоть какой-то порядок на своем старом рабочем месте. Именно в таких случаях, как изнасилованные и убитые маленькие девочки, он имел особенно наметанный глаз, как ты наверняка помнишь.

– Шёберг, – сказал Юханссон. – Совершенно незакомплексованный, и в тех случаях, когда он с душой брался за дело, не требовались ни полиция, ни прокурор, ни суд. Так я слушаю. – И он откинулся на подушку.

⁴ Государственная криминальная лаборатория.

24

Среда 26 июня 1985 года

Вскрытие Жасмин Эрмеган провели в субботу 22-го и в воскресенье 23 июня 1985 года. Протокол оформил и подписал три дня спустя, в среду 26 июня 1985 года, заслуженный профессор в отставке, доктор медицины, дипломированный врач Рагнар Шёберг. Обладатель разборчивой, аккуратной, с легким наклоном влево подписи и довольно сложный в общении человек.

Первое предварительное заключение Ярнебринг и его коллеги получили гораздо раньше, уже вечером в субботу 22 июня, и только несколько дней спустя, когда отправил протокол по почте, Шёберг позвонил Ярнебрингу и попросил его и других коллег из сыска прийти «для доверительного и чистосердечного разговора». Если они не возьмут с собой Эверта Бекстрёма, конечно.

– Я не могу даже видеть этого маленького идиота, – объяснил Шёберг. – Единственно я утешаю себя тем, если мне приходится общаться с ним, что он, вне всякого сомнения, закончит свою жизнь здесь, на моем старом рабочем месте, и уж точно в таком состоянии, когда даже я не смогу сделать никаких разумных выводов.

В душе надеясь, что его предсказания сбудутся, Ярнебринг и его товарищи имели долгий и крайне полезный разговор с легендарным старым профессором.

Жасмин Эрмеган перед смертью весила «примерно 33 килограмма» и имела рост «приблизительно 133 сантиметра», и здесь данные Шёберга не отличались особой точностью, поскольку ее смерть наступила почти неделю назад. И вдобавок тело пролежало все это время упакованным в черный полиэтилен и вдавленным в ил в паре километров на северо-запад от Скокlostерского замка в Упланде.

Жасмин задушили, скорее всего, при помощи подушки, ведь Шёберг нашел птичий пух у нее в горле и пару белых хлопчатобумажных нитей между зубами.

– Она кусала подушку, когда он душил ее, отсюда и то и другое, – сказал он. – Я хотел бы обратить особое внимание на это. Пух ведь не попал туда, когда она находилась в тростнике. Собака, конечно, разорвала пластик, в котором она лежала, но это произошло с нижней стороны тела. Кроме того, он оказался так глубоко в глотке, что мог попасть туда только в процессе дыхания.

До того как Жасмин задушили, ее изнасиловали. Имело место вагинальное проникновение, и повреждения половых органов были такого характера, какие всегда возникают, если взрослый мужчина подобным образом овладевает маленькой девочкой. В ее влагалище удалось обнаружить половой секрет преступника, но никакой спермы. Ее, однако, хватало на животе, груди и волосах жертвы. Вдобавок на ее розовой футболке.

– Он вышел из нее, прежде чем испытал оргазм, и эякулировал ей на живот, грудь и голову, – объяснил Шёберг Ярнебрингу и его коллегам.

На теле Жасмин, однако, отсутствовали какие-либо естественные для таких случаев повреждения, говорящие об активном сопротивлении, и объяснение этому Шёберг и его коллеги из специализированной химлаборатории нашли в крови девочки и нескольких внутренних органах. В форме быстродействующего и сильного снотворного. В три с лишним раза большим количеством, чем допустимо для нее, если брать во внимание возраст и вес девочки.

– Единственным утешением при столь печальных обстоятельствах служит то, что она почти наверняка находилась без сознания, когда он насиловал ее, – констатировал Шёберг.

– Но она все равно кусала подушку, когда он ее душил? – поинтересовался Ярнебринг.

– Такое может происходить рефлекторно, когда человека душат, – сказал профессор. – Но возможно, все обстояло столь плохо, что она пришла в себя. Поскольку он занимался ею довольно долго или она почувствовала боль во влагалище. А то и по обоим этим причинам, – добавил Шёберг и вздохнул. – Хотя в остальном девочка была полностью здорова, – сказал он. – Ни малейших следов сросшихся переломов или старых воспалений и того, что обычно находишь почти у всех детей. Она, похоже, отличалась идеальным здоровьем.

– У тебя есть какие-то соображения о том, как все происходило? – спросил Ярнебринг.

– А зачем, по-твоему, я попросил вас прийти сюда, – сказал Шёберг и улыбнулся. – Я собирался дать вам все то, о чем вы обычно ноете и что любой разумный коллега моей специализации предпочитает не оставлять на бумаге.

– Такие вещи нам особенно интересны, – согласился Ярнебринг.

– Да, – сказал Шёберг и пожал плечами. – Вдобавок я – пенсионер, и кто захочет ссориться с таким. Итак, по-моему, все происходило следующим образом.

Сначала преступник обманом дал ей снотворное, а поскольку оно было довольно горьким, скорее всего, смешал его с каким-то сладким и концентрированным напитком.

– Если исходить из содержимого ее желудка, речь могла идти о кока-коле, концентрированном соке или о чем-то подобном. О чем-то, перебивавшем вкус таблеток.

Затем она заснула, через десять минут, не более. Преступник положил ее на кровать и раздел, снял всю одежду, часы и кольца. Они обычно поступают так и в таком порядке, – объяснил Шёберг. – Подушка говорит в пользу кровати, и для них обычно важно, чтобы жертвы были полностью голыми. Чаще всего они стоят и смотрят на них, прежде чем приступают к делу, поворачивают из стороны в сторону, разглядывают под разными углами. Маленьких и совершенно незащищенных, ничего не понимающих. И обычно это происходит довольно долго.

Потом он изнасиловал ее, совершил законченное вагинальное соитие с ней, извлек член, прежде чем испытал оргазм. Изверг семя ей на живот, грудь и голову. Затем вытер свой половой орган о ее розовую футболку.

Естественно, преступник молодой, – заключил Шёберг. – Много спермы, прямо бившей фонтаном. Уж точно не усталый и пьяный старик, которому приспичило.

– Он насиловал ее несколько раз? – поинтересовался один из коллег Ярнебринга.

– Я так не думаю, – ответил Шёберг. – После первого совокупления у девочки начинается сильное кровотечение. Для многих из них это становится проблемой. С настоящими садистами все обстоит наоборот, но в данном случае, мне кажется, мы имеем дело с педофилом более мягкого типа. Застенчивым, как один из них сам описал себя однажды, когда я осматривал его тело.

В конечном счете он задушил Жасмин подушкой, когда понял, что у него нет никакой другой возможности избежать справедливого наказания.

Лучше воспользоваться шансом. Только за само изнасилование он отсидел бы по крайней мере семь-восемь лет. Опять же, этим для них все не заканчивается. Есть ведь еще социальные последствия, скажем так. Сумасшедшим он, похоже, не был. Не задушил ее руками, не свернул ей шею, не раскроил череп, при всей простоте таких вариантов. Ни малейшего следа садистских наклонностей. Он выбрал наиболее гуманную альтернативу и воспользовался подушкой. И таким образом избежал необходимости видеть ее, когда делал свое дело. Как я сказал, застенчивый педофил, который прекрасно чувствует себя среди нормальных людей, наверняка даже не подозревающих о его порочных сексуальных наклонностях. И сам переживает, что у него не оставалось другого выбора. Однако не винит себя. Просто так получилось.

– По-настоящему отвратное существо, короче говоря, – заключил Ярнебринг.

«Я убью этого дьявола», – подумал он. И эта мысль оказалась столь мощной, что у него сразу же сжались кулаки.

– Абсолютно согласен с тобой, – сказал Шёберг. – Если при задержании ты случайно поломаешь ему руки и ноги, будь уверен, я постараюсь любой ценой доказать, что он сам нанес себе эти травмы.

Временной аспект? Что он мог поведать о нем? Когда произошло изнасилование, убийство?

По мнению Шёберга, все случилось довольно скоро после того, как она исчезла. Вероятно, девочка умерла уже в тот же вечер, в пятницу четырнадцатого июня. Помимо всего прочего на это указывало содержимое ее желудка.

А относительно утопления тела?

Здесь все выглядело более туманно. Предположительно, но это уже из области догадок, Жасмин утопили в следующую ночь. Где-то около полуночи, наверное, когда достаточно темно, чтобы остаться незамеченным, и одновременно светло, ведь иначе, занимаясь таким делом, он мог ступить не туда, споткнуться и рисковал упасть и удариться.

25

Вторая половина четверга 15 июля 2010 года

– Шёберг знал свое дело, – констатировал Ярнебринг. – Хотя в коллегу Бекстрёма он так и не смог вонзить свой нож. Старик ведь умер десять лет назад. Прожил больше девяноста. Надеялся на большее. Старался держаться, но так и не добился своей цели.

– Проблема с такими, как Бекстрём, в том, что они никогда не умирают, – заметил Юханссон. – Ну да черт с ним. Расскажи мне о Жасмин. Она была веселой, контактной и доверчивой маленькой девочкой и спокойно могла пойти с незнакомцем?

– Нет, если верить ее родителям. И мать и отец неоднократно разговаривали с ней о том, что ей нельзя никуда ходить с теми, кого она не знала. Что она должна избегать любых близких контактов с незнакомыми взрослыми, как с мужчинами, так и с женщинами. А также с другими детьми и подростками, если не представляла, кто они и можно ли им доверять. Кроме того, она была умной для своих лет, хорошо воспитанной, но одновременно решительной и волевой. И красивой, кстати. Я вложил несколько ее фотографий, и ты сам все увидишь. Смуглая, с большими карими глазами и длинными черными волосами. Хорошо училась в школе. Товарищи ее любили, многие мальчишки-ровесники наверняка пытались счастья. Очень аккуратная в части одежды. Но не кокетка.

– По мнению родителей, значит, – повторил Юханссон.

– Я понимаю, куда ты клонишь, – сказал Ярнебринг. – Но так же, если верить учителям и всем, знавшим ее, с кем мы разговаривали.

– В обычном случае, пожалуй, так и было, – сказал Юханссон. – Но сейчас речь не о заурядном вечере. Сначала она убегает от своей матери. Когда приходит домой к отцу, там заперто, сам он отсутствует, пусть и не предупреждал, что собирается уехать. Кроме того, она забыла ключи. Никакого телефона у нее нет. Мобильников ведь не существовало в те времена. Я полагаю, в такой ситуации она могла позволить себе массу поступков, которых никогда не совершила бы в обычном случае.

– Я того же мнения, – согласился Ярнебринг. – Но от этого уж точно легче не становится.

– Откуда они приехали сюда, кстати? Она и ее родители, я имею в виду, – спросил Юханссон, хотя его мысли сейчас устремились в другом направлении.

«Девочка, пожалуй, просто хотела найти телефон, чтобы позвонить своей маме, – подумал он. – И постучала к какому-то внушающему доверие и любезному педофилу застенчивого типа. А у того просто возникло желание посмотреть, как она спит нагая в его кровати, пока он сам поможет себе. Но внезапно похоть впиалась в него своими когтями и не оставила ему выбора».

– Политика не сильная моя сторона, – сказал Ярнебринг, – но я ведь всегда могу...

– Извини, – перебил его Юханссон. – Что ты сказал? Что-то о политике.

– Жасмин и ее родители приехали сюда как политические беженцы из Ирана. Это произошло зимой 1979-го, Жасмин как раз исполнилось три года.

– Я в курсе, – кивнул Юханссон.

Политика не относилась к сильным сторонам Ярнебринга, но он поговорил с родителями Жасмин, послушал их рассказ об этом деле. Сравнил с тем, что значилось во всех бумагах, которые миграционный департамент выписал, когда они приземлились в Швеции и сразу по прибытии в стоковый аэропорт Арланда, 20 января 1979 года, попросили политическое убежище. В виде исключения все стороны в данном деле проявили трогательное единодушие. Опасность того, что они подвергнутся «политическому преследованию» в тогдашнем Иране, оценивалась как «крайне высокая». Они сами, а также их семьи являлись частью христианского меньшинства, принадлежали к старой знати и были приверженцами шаха. Папе Юзефу

(так произносилось его имя, написанное в иранском паспорте) и его жене Мариам, а также их трехлетней дочери Жасмин быстро предоставили вид на жительство.

Оба родителя имели высшее образование, отец-врач получил свой диплом в Тегеранском университете, и там же училась мать, по окончании став техническим специалистом с медицинским уклоном. Кроме того, они уже имели связи в стране, которую выбрали в качестве новой родины. У Йозефа Эрмегана (написание своего имени он изменил, как только получил постоянный вид на жительство) в Швеции уже обосновались несколько родственников. Помимо других, дядя – успешный врач, профессор в области медицинской химии, трудившийся в Каролинском институте.

– Я обратил внимание, что отец получил право работать здесь врачом всего через год. Ему понадобилось лишь окончить какие-то курсы. Мать Жасмин выучилась на стоматологическую медсестру и овладела этой специальностью тоже приблизительно спустя год с того момента, как они приехали сюда. Вся семья получила шведское гражданство уже в феврале восьмидесят пятого. Всего за полгода до того, как убили их дочь. Только тогда они официально подали заявление о разводе. Фактически же разошлись на год раньше, но об этом особо не распространялись. Не хотели, наверное, проблем в связи с их ходатайством о получении гражданства.

«При чем здесь их развод?» – подумал Юханссон, но ничего не сказал и довольствовался лишь кивком.

– Помнишь заявления, которые мать писала на отца? О том, что он якобы избивал ее? Я рассказывал тебе о них?

– Да, – подтвердил Юханссон.

– Заявления также пошли лавиной после того, как они стали шведскими гражданами.

– Да, но это же было разумно, с точки зрения отца, я имею в виду, – сказал Юханссон. – Зачем лишний шум? Он, наверное, обещал ей и ребенку дополнительно небольшое содержание, если она будет держать язык за зубами.

«Что-то его опять повело не в ту сторону», – подумал Ярнебринг.

– Как все складывалось потом? – спросил Юханссон. – Родители Жасмин живы?

– Данных у меня нет. Хотя оба покинули Швецию. Отец перебрался в США в девяностом. Один, женщину, с которой он жил, когда его дочь убили, он оставил довольно скоро. По-видимому, за океаном ему по-настоящему улыбнулась удача. Вероятно, он столь же богат, как Скрудж Макдак.

Владеет большой фармацевтической фирмой. Американский гражданин уже давным-давно. Изменил свое имя, кстати, прежде чем уехал, стал Джозефом Саймоном. Саймоном – по отцу.

– А с матерью что?

– Она, наверное, чокнулась. Вернулась обратно в Иран в середине девяностых. Кроме того, вроде стала мусульманкой. С чадрой и всем таким.

– Приняла ислам, ты имеешь в виду, – сказал Юханссон.

– Да, – подтвердил Ярнебринг. – Начала бегать в покрывале. Или как это называется.

– Выглядит практично, – заметил Юханссон.

– Пожалуй, – согласился Ярнебринг. – Если ты женщина и надо жить в таком месте, подобное по большому счету необходимо.

«Один выжил, – подумал Юханссон. – Он взял себя в руки, избавился от всего худшего в себе и выжил с помощью своей ненависти. Одна, вероятно, погибла или, по крайней мере, сдалась той жизни, которую раньше вела», – подумал он.

– Я немного устал, – сказал он. – Ты не обидишься, если я возьму тайм-аут?

– Ни в коей мере, – заверил его Ярнебринг.

– И мы ведь увидимся завтра?

– Само собой. Можешь не сомневаться, в то же время и на том же месте.

Потом случилось нечто очень странное. Когда Ярнебринг наклонился над его кроватью, чтобы в мужской манере дружески похлопать по плечу, Юханссон выпрямил свою правую руку. Поднял ее над одеялом, где она лежала все время, и протянул вперед.

Ярнебринг сжал ее. Крепко, но одновременно осторожно, словно речь шла о маленьком ребенке.

– Жми сам, Ларс, – сказал он. – Дай мне почувствовать твою былую силу.

– В будущем непременно, – ответил Юханссон. – Эй, Ярнис, – позвал он, когда его лучший друг уже был у дверей. – Не забудь захватить мои штаны.

Потом он заснул. На спине, сложив руки на животе, как обычно спал, пока у него в башке не образовалась какая-то дрянь, всего лишь бонусом полученная из-за больного сердца.

Когда жена Пия пришла навестить Юханссона вечером, он уже спал глубоким сном.

Она опустилась на стул возле его кровати, сидела там, наверное, пару часов и смотрела на него. В виде исключения он не храпел. Лежал на здоровом левом боку, абсолютно тихо, неподвижно.

Пия осторожно погладила его по щеке и по правой руке. Ни малейшего шевеления, никаких перемен на лице. Она испытала сильное и необъяснимое беспокойство.

«Он спит, – подумала она. – Просто спит. Только бы не случилось ничего плохого».

Потом ушла домой.

26

Пятница 16 июля 2010 года

Еще один день в новой жизни Ларса Мартина Юханссона. Начавшийся с того, что он установил два личных рекорда. Сначала более чем вдвое увеличил время, в течение которого сжимал красный резиновый мячик правой рукой. Затем без толики сомнения поднял ту же руку и коснулся ею правого плеча. Кроме того, ее постоянно кололо внушающим оптимизм образом.

– Я горжусь тобой, Ларс, – сказала его физиотерапевт. – Ты идешь вперед семимильными шагами.

– Куда там, – проворчал Ларс, ведь в душе он был скромным и стеснительным человеком. – Относительно семимильных шагов мне трудно сказать. Но прогресс и в самом деле присутствует.

Что же касается его доктора, Ульрики Стенхольм, у нее все шло не столь гладко. Она выглядела усталой, да, наверное, такой и была. В последние сутки ей приходилось дежурить вторым номером, сидеть дома в состоянии полной боевой готовности на случай, если понадобится ее помощь, и в результате удалось поспать не более четырех часов подряд.

В гуманитарном наследстве своего отца она успела продвинуться достаточно далеко. Хотя на самом деле все равно сделала мало, пыталась отсортировать из пакетов и коробок бумаги из 1989, 1988 и 1987 годов, о которых Юханссон говорил ей. Складывала их в особую кучу и в выходные собиралась заняться ими всерьез.

– На них свет клином не сошелся, – сказал Юханссон. – Эти бумаги никуда не убегут от нас.

– Спасибо, – сказала доктор Стенхольм. – Приятно, что у кого-то хватает терпения со мной.

«И юрист ты тоже никакой, – подумал Юханссон. – Я ведь уже объяснил тебе, как обстоит дело».

Потом он съел свой обед, точно такой, как обычно. И усилил его одним бананом, половиной пакета черешни и вафлями в шоколаде, которые проглотил тайком. Как раз когда он слизывал последние крошки с губ, появился Ярнебринг. Они получили кофе в палату, целый кофейник с теплым молоком, стоящим сбоку от него, а потом потратили довольно много времени, обсуждая свое общее дело.

– Что ты думаешь об этом, Ларс? – спросил Ярнебринг. – Об убийстве Жасмин.

– Начни ты, – предложил Юханссон. – Я послушаю, ты же сам принимал участие.

– Ну, все пошло наперекосяк с самого начала, – заговорил Ярнебринг. – Когда сейчас начинаю задумываться, почему так получилось, утешаю себя единственно тем, что, пожалуй, речь идет о таком расследовании, где подобной ситуации все равно не удалось бы избежать. Да будет тебе известно, эта история гложет меня изнутри.

– О чем ты? Почему в любом случае все пошло бы наперекосяк?

– Да просто-напросто дело оказалось слишком сложным, – пояснил Ярнебринг. – Когда девочка собралась возвратиться домой к маме (другой возможности ведь, как мне кажется, у нее не оставалось), она напоролась на психа из тех, кого возбуждают дети. Такого, с кем не встречалась ранее, совершенно постороннего, но поскольку была немного не в себе, ему удалось обманом увлечь ее за собой. Это дело чересчур трудное, мы его никогда не раскроем, – повторил он.

– Но черт побери, Бу, – проворчал Юханссон и вздохнул. – Теперь я начинаю по-настоящему за тебя беспокоиться.

«Вот сейчас я узнаю тебя», – подумал Ярнебринг.

– Расскажи тогда, как все происходило. Я всегда был только простым констеблем. Никогда не умел видеть сквозь стены. Расскажи. Как, по-твоему, все происходило? – повторил он вопрос.

– Не знаю, – ответил Юханссон. – Пока не знаю. Но одно мне известно.

– И что же?

– В девятнадцати случаях из двадцати, когда мы говорим о таких преступлениях, преступник находится в непосредственной близости от жертвы. Либо в ее социальном окружении, принадлежит к той же семье, родне, кругу друзей, или находится в географической близости от нее. Они – соседи, он живет в том же районе, видит ее каждый день по пути в школу и обратно, поскольку, пожалуй, трудится в магазине наискосок через улицу. Либо то и другое, то есть находится и в социальной и в географической близости от жертвы.

– Подожди, Ларс, – сказал Ярнебринг и на всякий случай поднял руку в протестующем жесте. – Возьмем такого, как Андерс Эклунд, убивший маленькую Энглу, Энглу Хёглунд, девочку, жившую в Даларне. Чисто случайно. Он, возможно, никогда не видел ее раньше.

– Двадцатый случай, – сказал Юханссон. – Но его не стоит вспоминать сейчас. Когда речь идет о Жасмин.

– Почему?

– Он не использовал снотворных таблеток или подушку с белой наволочкой, – объяснил Юханссон. – Примитивный идиот, и способ, которым он все сделал, был полностью логичным при мысли о том, как выглядела его крошечная головка. У шерифов из Даларны ушло менее двенадцати часов, чтобы его найти. О таком, как он, можно определенно забыть, когда мы говорим о Жасмин.

– А Ульф Олссон? Убивший Хелен Нильссон.

– Классический девятнадцать из двадцати. Жил в том же месте, где и она, всю свою жизнь. Его семья знала ее семью, его младшая сестра была лучшей подругой старшей сестры Хелен. Он очень хорошо знал, кто такая Хелен. И то, что прошло шестнадцать лет, прежде чем нашли этого идиота, вовсе не его заслуга. За столь долгий срок он может благодарить коллег из Сcone, запутавших столь простое дело невообразимым образом. Сам я взял бы его через месяц.

«Я верю тебе, – подумал Ярнебринг. – Черт знает, может, и я справился бы с ним».

– Убийца маленьких девочек Йон Ингвар Лёвгрен? В Стокгольме в середине шестидесятых.

– Это случилось в 1963-м, – сказал Юханссон. – Две маленькие девочки, и первой было шесть лет, а второй еще меньше, четыре, если память меня не подводит. Первое убийство произошло 12 августа в Аспуддене, а второе 2 сентября в парке Виттаберг в Седере.

«Сейчас я определенно узнаю тебя», – подумал Ярнебринг.

– Но вряд ли в данном случае речь идет о жертвах, с которыми этот парень общался, – сказал он.

– Он пытался, – сказал Юханссон. – Лёвгрену было тридцать два года, и он имел интеллект восьмилетнего ребенка, а тело и инстинкты взрослого мужчины. И целыми днями болтался по паркам в поисках маленьких девочек такого же возраста, с кем он мог бы поиграть. Насиловал их или пытался делать это, убивал и убегал. По сравнению с ним даже Андерс Эклунд выглядит нормально развитым в умственном плане человеком. Забудь о таких, как Эклунд и Лёвгрен. Если говорить о случае Жасмин, здесь можно забыть даже Ульфа Олссона, хотя его голова работала куда лучше в интеллектуальном плане.

– О нем я тоже могу забыть? И почему?

– Слишком странный, затворник, сутяга, в постоянном конфликте по большому счету со всеми, с кем сталкивался. Ранее судим за типичное глупое преступление. Забудь о таких, как Ульф Олссон.

– А наш убийца тогда каков?

– Приятный, услужливый, компанейский, любит общаться с мужчинами и женщинами своего возраста. Никто из них даже не догадывается, что единственное его желание – секс с маленькими девочками. – У него есть только один явный грех, пожалуй, – излишнее пристрастие к алкоголю, – добавил Юханссон и улыбнулся. – Хотя и в таком виде он никогда не теряет контроль над собой.

– И ты можешь назвать мне его имя? – спросил Ярнебринг с широкой улыбкой.

– Дай мне примерно неделю, – сказал Юханссон. – Не забывай, у меня какое-то дерьмо в голове. Я забыл массу вещей, – добавил он. – Постоянно сталкиваюсь с этим. И, к сожалению, не могу вспомнить, о чем идет речь. Просто знаю, что забыл.

– Ты выглядишь вполне нормальным в последнее время.

– Есть три вещи, которые остались в моей памяти, – произнес Юханссон с таким видом, словно слова друга пролетели у него мимо ушей. – Когда я забуду их, все для меня закончится.

– И какие же?

– Оценить ситуацию и найти в ней позитивные моменты, не придумывать ничего лишнего, не верить в случайные совпадения.

– Три золотых правила Ларса Мартина Юханссона при расследовании убийств. Одна неделя, ты говоришь? Потом ты сообщишь мне имя?

– И зачем оно тебе? – спросил Юханссон. – С самим делом ты уже ничего поделать не сможешь.

– Утолю свое любопытство, – ответил Ярнебринг. – Возможно, поеду домой к этому идиоту и серьезно с ним поговорю. С глазу на глаз. Выдерну ему руки и ноги.

– Звучит замечательно, – одобрил Юханссон. – Но ты должен дать мне примерно неделю. Я ведь еще не до конца поправился.

27

Вторая половина пятницы 16 июля 2010 года

Остаток дня Юханссон листал папки, которые Ярнебринг ему дал. Он долго сидел с фотографией Жасмин в руке. Обычной портретной, возможно сделанной в школе, вполоборота, где она улыбалась фотографу. Глаза задорно блестели.

«Ребенок», – подумал он. Счастливый ребенок, и такая милашка, как Ярнебринг и говорил ему. Потом у него заболело в груди. Он сунул снимок назад в папку, и тогда боль ослабла.

Протокол вскрытия он просто перелистал. Его содержание полностью соответствовало тому, что лучший друг ему уже рассказал. Зато он внимательно прочитал протокол обследования места, где нашли тело, и пробежал глазами другие бумаги, написанные экспертами. Тщательно изучил фотографии. Пожалел о своей маленькой лупе, оставшейся на связке с ключами.

«У них ведь наверняка должно быть увеличительное стекло», – подумал Юханссон и позвонил в звонок.

– Чем я могу тебе помочь?

Молодая женщина лет тридцати. Приятной наружности, улыбочивая и позитивно настроенная. Конечно, у такой уж точно есть то, что ему сейчас необходимо.

– Может, у тебя найдется увеличительное стекло и ты одолжишь его мне? – спросит Юханссон.

– Естественно, оно у нас есть, – сказала она. – Я принесу тебе то, которое лежит в канцелярии.

Изнасиловав и убив Жасмин, застенчивый убийца потратил также немало времени и труда, чтобы аккуратно упаковать ее тело.

Он натянул два мешка ей на голову от темени, через туловище, до половины бедер. Потом еще два через ее ноги, талию, так что их край оказался на высоте сосков. Сделал это именно в таком порядке, поскольку два последних лежали поверх двух первых.

Затем он обмотал пакеты лентой. Обычной, коричневой, упаковочной, шириной пять сантиметров. Крепко затянул ее. Сначала вокруг щиколоток убитой. Потом вокруг коленей, бедер и как раз под ягодицами. Далее вокруг талии и груди. Наконец, вокруг шеи. В каждом месте он оборачивал ленту вокруг тела от пяти до шести раз, хотя хватило бы и одного. В результате его творение по содержанию и форме явно напоминало мумию, запеленутую в ткань. Если не обращать внимания на черный пластик и ленту, конечно.

«Страх, – подумал Юханссон. – Не просто страх по поводу содеянного и ситуации, в которую ты попал. Страх застарелый. Ты научился контролировать его. Необходимость контролировать этот страх стала неотъемлемой частью твоей личности.

Ты не оставил никаких отпечатков пальцев, делая это. Зато был след от резиновых перчаток. Фрагмент светло-красной резины удалось обнаружить на внутренней стороне ленты.

Перчатки для мытья посуды. Самые обычные. Вероятно, далеко не новые, поскольку они уже начали трескаться, потеряли прочность и оставили после себя отметину.

Если ты в своем доме, это в любом случае не твои перчатки. Иначе они имели бы другой цвет. Вдобавок, я сомневаюсь, что ты из тех, кто моет посуду, а еще меньше верю в то, что у тебя на руках перчатки, если ты делаешь это. Их использует женщина, а значит, есть такая близости к тебе. Кто-то, с кем сожительствуешь? Или, возможно, твоя мать или сестра? Или какая-то другая особа, которую ты просто знаешь настолько хорошо, что можешь находиться один у нее дома без необходимости заниматься такими делами в спешке.

Интересно, жив ли ты еще? Или твой страх убил тебя? Нет, мне кажется, ты жив. Ты слишком любишь себя и не чувствуешь никакой вины за собой. Никакого страха, который ты

не мог бы контролировать. Таких, как Жасмин, вдобавок хватает. Ты видишь их постоянно. Они почти все время занимают твое сознание».

Юханссон отложил в сторону папки, чтобы получить возможность поужинать. Выпил два стакана воды, съел половину своей порции макарон с овощами. Главным образом, выполняя обещание и чтобы напрасно не волновать тех, кто отвечал за его здоровье и скорое выздоровление.

Затем он заснул и проснулся, когда Пия села на стул возле его кровати и провела указательным пальцем ему по щекам и вдоль подбородка.

– Как у тебя дела? – спросила она. – Ты выглядишь гораздо бодрее. Вчера, когда я была здесь, ты все время спал. Спал как ребенок и совсем не храпел. Я даже немного забеспокоилась.

– Я чувствую себя как жемчужина в золоте, – сказал Юханссон. – Не волнуйся за меня, расскажи лучше немного о своих делах.

28

Суббота 17 июля – воскресенье 18 июля 2010 года

Настали выходные со всеми посещениями. Точно как в предыдущие, хотя детей он отговаривал приходить. Поговорил по телефону с обоими, и с сыном, и с дочерью.

– Я скоро буду дома. Будет гораздо лучше, если мы увидимся у нас с Пией и хорошо поужинаем. Пообщаемся как все нормальные люди.

– Идея просто замечательная, – сказал сын.

– Мы сделаем, как ты говоришь, – согласилась дочь. – Папина дочка всегда выполняет волю отца.

От встречи со старшим братом Эвертом ему, однако, отвертеться не удалось. Тот явился еще до обеда. Большой и сильный, стройный как сосна, хотя на десять лет старше младшего мальчика в семействе Юханссон, Ларса Мартина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.